

Яна Кане

ЗИМОРОДОК

KINGFISHER

Yana Kane

Яна Кане

Зимородок

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57450954

Кане Я. Зимородок : Стихотворения: Геликон Плюс; Санкт-Петербург;

2020

ISBN 978-5-00098-264-8

Аннотация

Яна Кане родилась и выросла в Ленинграде. Она начала писать стихи в детстве, была одним из ранних участников поэтической студии Вячеслава Лейкина при газете «Ленинские Искры». Подростком Кане эмигрировала в США. Она получила степень бакалавра по информатике в Принстонском университете, затем степень доктора философии в области статистики в Корнеллском университете. Работает статистиком. Её стихи, проза и эссе неоднократно печатались в русских, американских и западноевропейских изданиях. В книге «Зимородок / Kingfisher» на равных правах сосуществуют англоязычные, русскоязычные и двуязычные тексты. Книга эта состоялась по инициативе Дмитрия Быкова. Он так отозвался о литературной судьбе её автора: «Это двойное существование («на пороге как бы двойного бытия», как писал Тютчев, вероятно, самый близкий ей поэт) – первый такой случай в литературе. Большинство билингвов, переходя на другой язык, остаются собой. Кане по-английски – это другая личность

с другой памятью. ... И это первый случай, когда я не жалею о том, что талантливый поэт уехал из России. Собственно, он эмигрировал в литературу, а это лучшее, что можно сделать с собой».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	15
Introduction	18
Зимородок / Kingfisher	21
Metamorphosis	25
Metamorphosis	25
Ripening	26
The Age of discovery	27
1. Indra's net	27
2. Voyagers	28
3. Exploration	29
4. Siren song	31
5. Nightmares and their riders	32
6. Trains and their dreamers	33
7. Synaesthesia	34
8. The Age of Discovery	35
Theological Questions	37
Portrait of a room	38
Orbit	40
Creation stories	41
Creation	43
Realities	45
Constructivism	48
Double Negative	50

American Gothic	51
Supernova	52
Trees dreaming in winter	53
Soap bubble	54
Kingfisher	55
Глина	56
Глина	56
Узор	57
Элементы	58
1. Недра	58
2. Сообщающиеся сосуды	58
3. Зимородок	59
4. Игра в бисер	60
5. Сад	60
«Оставь, оставь... Что было, то прошло....»	62
Круг	64
Кантата	65
Молитва плотядному божеству	66
Душа	67
1. Тайком от разума	67
2. Прозреньё	67
3. Свобода	68
Жасмин	69
Молчанье	70
Зеркальная симметрия	71
Дары звездочёта	72

1. Слова	72
2. Хлеб	72
3. Метель	73
4. Свет	73
«Не зверь, не человек, не бог...»	75
Исход из центра Сансары	76
«Не там и не тогда – сейчас и здесь...»	77
«Скажи, откуда это воспоминанье...»	78
Свет	79
«До ночи донести набухшие глаза...»	80
«Ослепший разум следует покорно...»	81
Пляска	82
Солнцеворот	83
Дикие гуси	84
«Нас боги обжигают, как горшки...»	86
Vine	87
Vine	87
Sea	89
Portrait of an ancestor	90
I wish	91
Black Cat	92
Self-knowledge	95
River Lethe	96
After the end. Lamentation	98
Pine Tree	101
Longing	102

Roots of memory	103
September 11, 2001	104
Manhattan. February. Tuesday	105
Umbrellas	106
Sunrise	107
Squirrel	108
Inattention	109
Dance	110
The 7:54 train	111
Лес после грозы	113
«Нас боги обжигают, как горшки...»	113
Кинцуги	114
Мутёнок и клонёнок	115
Сердце зимы	117
Равноденствие	118
1. Осень	118
2. Весна	118
Памяти С. А. Дыренкова	119
Размышления Лиса	120
Колыбельная	122
Нет так нет	123
Рассвет	124
Вечер	125
Опыт	126
Колыбель	127
«По дороге идёт прокажённый...»	128

Озёрный край, Англия	129
Земля	130
Чужая смерть	131
Послание на песке	133
1. Ученик	133
2. Расставанье	134
3. Послание на песке	135
4. Прозреньё	135
Жаворонок	136
Август	138
Этимология	139
Четыре	140
В траве	142
Настойка	143
Утро первого инея	144
Первый снег	145
Лес после грозы	146
Эпилог	147
Наследство	149
Время	150
Возвращение	151
1. Человек-амфибия	151
2. Зодиак	151
Чудовище	152
Корнеплод	154
Лукоморье	155

Сила искусства	156
Instead of a love poem	157
Instead of a love poem	157
Translating Akhmatova	158
Emily Dickinson's garden, twilight	159
«There is a poem that stalks and evades me...»	160
Elephant Shrew	162
«At the first tingling of a poem...»	164
Message	165
Encounter	167
Reading "A Day Comes"	169
The Keeper of the Keys	171
Око и окно	176
Око и окно	176
Зависть Сальери	177
Ненаписанные стихи	179
«Слова, слова, слова...»	180
Антология	181
Птица	182
Стекло	184
Зеркало	185
В гостях	186
Зодиак	187
«Как это редко – свист незримых крыльев...»	188
Слово	189
Форель	190

Учебное пособие	191
Полнолуние	193
«Трава полегла безвольно...»	194
Сон	195
River	203
Good fortune	203
1. In Zoar	203
2. Survivor guilt	205
3. Two turns of fate	207
Ghost	208
Night	209
1. Memory	209
2. Motion	209
3. Rest	210
Matryoshka Dolls	211
Song of Paradise	212
Family Tree	213
Places	214
1. Birthplace	214
2. Hometown	215
3. No-place	217
Logins and passwords	218
Reading “Tell Me Something Good”	219
Bridge	221
Learning English	222
Raising a toast	224

Переправа	226
Переправа	226
1978, 2014	227
1. Птицы	227
2. Снег	227
Март 2014	229
Дом	230
Мозаика	231
1. Ложь	231
2. Призрак	231
3. Лета	232
4. Мозаика	233
5. Самолёт	234
6. Окно	235
Ископаемые	236
Голос	238
«Я стала так сама с собой несхожа...»	239
Эмигранты	240
«Нам самим удалось уехать...»	241
Чёрная вода	242
Сад	243
Bilingual / Билингва	244
Bilingual / Билингва	244
Daughter. Дочка	246
Tai Chi Teacher. Учитель Тай Чи	247
1. Notebook	247

2. One Year Later	248
1. Тетрадь	250
2. Год спустя	251
Icarus. Икар	253
Poetry lessons. Уроки поэзии	255
Walk! Don't walk! Идите! Стойте!	260
Subterranean lake. Подземное озеро	263
Lilacs. Сирень	265
Form and function. Форма и содержание	267
Translations into English	268
A blackbird – a magpie	268
Ivan Krylov	270
Boris Zakhoder	271
Anastasya Shepherd	273
Vyacheslav Leikin	274
Vyacheslav Leikin	275
Vyacheslav Leikin	277
Vyacheslav Leikin	278
Vyacheslav Leikin	280
Anna Akhmatova	281
Anna Akhmatova	282
Anna Akhmatova	284
Anna Akhmatova	285
Hava Broha Korzakova	286
Hava Broha Korzakova	287
Ed Pobuzhansky	289

Ed Pobuzhansky	290
Ed Pobuzhansky	291
Ed Pobuzhansky	293
Ed Pobuzhansky	294
Ed Pobuzhansky	295
Ed Pobuzhansky	297
Переводы на русский язык	298
Мальшка-паучишка	298
Роза Вайсберг[4]	299
Спэрроу	300
Сара Тисдейл	301
Тамара Збрижер	302
Джейн Хёршфильд	305
Джейн Хёршфильд	307
Джейн Хёршфильд	308
Стихотворение с двумя окончаниями	309

Яна Кане
Зимородок
Стихотворения

Yana Kane
Kingfisher

© Быков Дм., предисловие, 2020.

© Кане Я., текст, 2020.

© «Геликон Плюс», оформление, 2020.

* * *

Предисловие

Яна Кане начала писать стихи еще в России, посещала в Петербурге ЛИТО Вячеслава Лейкина, но потом, в возрасте 16 лет, переехала в Штаты и правильно сделала. Не потому, что в Штатах лучше, а потому, что традиция ее поэзии – американская, метафизическая, и верлибр у нее органичен, хотя и рифмованным стихом, как вы увидите, она владеет вполне. Русская поэзия отягощена бытом и социальностью, а Яна Кане предпочитает всего этого не видеть или по крайней мере на этом не фиксироваться. Ее интересует тонкая грань между сном и бодрствованием, между агностицизмом (не безверием конечно) и верой, между стихами по-русски и стихами по-английски (они пишутся явно одним и тем же человеком, но в двух различных состояниях). Как сформулировала она сама – перевожу прозой и в строчку, – «На этом языке я беседую, спорю, флиртую с мужем, учу или развлекаю дочь, общаюсь с подругами из колледжа, отчитываюсь на конференциях, докладываю шефу, здороваюсь с соседями. А на ТОМ языке – я прислушиваюсь к шепоту призраков, их неспешной беседе, скользящей своей неизменной орбитой».

Это, конечно, несколько принижает английский: «свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов, все это, а также

все, относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным» (Набоков). Но для Яны Кане именно русский – язык отвлеченностей, памяти, темных интуиций о Боге. Ее английские стихи написаны женщиной умной и проницательной, русские – женщиной чуткой и понимающей много больше, чем она хочет выразить по-английски.

Это двойное существование («на пороге как бы двойного бытия»), как писал Тютчев, вероятно, самый близкий ей поэт) – первый такой случай в литературе. Большинство билингов, переходя на другой язык, остаются собой. Кане по-английски – это другая личность с другой памятью. Но все это написано на русском холсте, на котором – русская почва, глина (название весьма важное и откровенное), русское подсознание и русские догадки о Боге. Именно религиозность Кане – ничуть не церковная, тем более не сектантская, – вписывает ее в традицию Тютчева, Тарковского, Заболоцкого; именно этот круг авторов – названных или не названных в эпитафиях, – определяет ее поэтику и темы.

Поэзия не нуждается в предисловиях, оправданиях и пояснениях. Кане – сложившийся поэт, сумевший из своей драмы сделать лирическую тему и превратить эту драму в факт литературы. А поскольку таким двойным бытием отягощены уже тысячи наших соотечественников, – бывших, или вернувшихся, или живущих на две страны, – эта книга будет востребована, прочитана и многим облегчит душу.

И это первый случай, когда я не жалею о том, что талантливый поэт уехал из России. Собственно, он эмигрировал в литературу, а это лучшее, что можно сделать с собой.

Дмитрий Быков

Introduction

Yana Kane began to write poetry while still living in Russia. She was a student in Vyacheslav Leikin's poetry workshop in St. Petersburg. At the age of 16, she relocated to the United States, which was the right thing to do. Not because it is better in the States, but because the tradition of her poetry is American – it is metaphysical, and free verse comes naturally to her; although, as you will see, she has a mastery of rhymed verse. Russian poetry is burdened by the struggles of everyday life and by societal concerns. Kane prefers not to see all of this, or at least not to fixate upon it. She is interested in the subtle border between dreaming and lucidity, between agnosticism (not unbelief, of course) and faith, between poetry in Russian and poetry in English. Her poems in the two languages are clearly written by the same individual, though in two different states of mind. As she herself formulated:

In this language,
I converse, argue, and flirt with my husband,
Teach and amuse my daughter,
Stay in touch with friends from college,
Confer with my colleagues,
Report to the boss,
Say hello to the neighbors.

In that language,
I listen to the voices of ghosts.
Their unhurried conversation
Glides along its immutable orbit.

This, of course, underrates English somewhat. Nabokov wrote: "...the subtle understatements so peculiar to English, the poetry of thought, the instantaneous resonance between the most abstract concepts, the swarming of monosyllabic epithets – all this, and also all that is related to technology, fashion, sports, the natural sciences, and the unnatural passions – in Russian become clumsy (rough-hewn)". But for Yana Kane, it is Russian that is the language of abstractions, of memory, of dark intuitions about God. Her English poems were written by an intelligent and insightful woman; the Russian ones were written by a woman who is attuned to a lot more than she wishes to reveal in English.

This double existence ("as though at the verge of double being," to quote Tyutchev, whose poetry probably is closest to hers) is the first such case in literature. Most bilingual writers remain themselves when moving to another language. Kane in English is a different person with a different memory. Yet all of this is painted on a Russian canvas; grows from Russian soil, from clay (a word that occurs repeatedly in her poetry, which is important and revealing); from the Russian subconscious and Russian intimations of God. It is Kane's religious sensibility –

not at all church-based, and even more definitely not sectarian – that places her poetry into the tradition of Tyutchev, Tarkovsky, Zabolotsky; it is this circle of authors that determines its poetics and themes.

Poetry needs no introduction, justification or explanation. Kane is a mature poet who has found a way to draw a lyrical theme out of her drama and to transmute this drama into literary fact. Since by now thousands of our compatriots – former, returned, or living in two countries – are burdened with such a double being, this book will be in demand, it will be read, and it will lighten many a soul.

This is the first case in which I do not regret that a talented poet left Russia. She emigrated into literature. And that is the best thing you can choose to do with yourself.

Dmitry Bykov

Зимородок / Kingfisher

Зимородок

Зимородок живёт в трёх стихиях. Гнездо – нора в земле. Пропитание птица добывает подводной охотой. А странствия – это полёт.

Яна Кане – человек, обитающий в трёх стихиях. Она обрела литературный голос на английском языке, но не утратила русский язык, не оборвала связь со своим наставником, Лейкиным, с кругом общения, в который вошла благодаря участию в его студии. По профессии Кане – статистик. Она так обозначила связь между своей профессиональной и литературной деятельностью: «Поэзия и статистика – это два разных языка, на которых я говорю о том, что структура и неопределённость в равной степени присущи нашему существованию».

Kingfisher

A kingfisher lives in three different elements: it builds its nest by digging a tunnel in the earth, travels by flying, feeds by diving and swimming to catch fish.

Yana Kane inhabits three domains: Russian poetry, English poetry, and statistics. She grew up in the Soviet Union and began to compose poetry as a child. She came to the US as a refugee at the age of 16. Her poems and translations in Russian and

English appear in anthologies and magazines in the US, Russia, and Western Europe. She holds a bachelor's degree in engineering from Princeton University and a Ph. D. in Statistics from Cornell University. She works as a statistician. For Kane, poetry and statistics reflect both the structure and the uncertainty of our existence.

*Посвящаю с любовью моей семье: Аде и Зиновию
(Жене) Кане, Брюсу Эсригу и Ариели*

*и с благодарностью – моим учителям: Вячеславу
Лейкину, Стелле Вербицкой, Профессору Элен
Чансес, Крейгу Келлер, Мастеру Ченг Хсианг Ю,
Сенсею Грегу О'Коннор, Роберту Фридману*

*и членам важных для меня сообществ:
Миллбурнского клуба, Beth Hatikvah synagogue, the
Aikido Centers of New Jersey, Madison Studio Yoga, the
Arts by the People program.*

Я признательна Брюсу Эсригу, который помог мне отредактировать англоязычные тексты, проявив при этом свои-
ственные ему вдумчивость, остроумие, любовь к слову (а
также пристрастие к точке с запятой).

Искренне благодарю Рашель Миневич, Эда Побужанского
и Александра (Сашу) Казакова за полезные советы и ценные
замечания.

Я рада, что Анастасия Шеперд стала моим партнёром
в литературной игре, которую мы назвали «Странники в

странном мире». Часть этой игры вошла в цикл The Age of discovery.

With love to my family: Ada and Zinovy Kane, Bruce Esrig and Ariel

With gratitude to my teachers:

*Vyacheslav Leikin,
Stella Verbitskaya,
Professor Ellen Chances,
Craig Keller,
Master Cheng Hsiang Yu,
Sensei Greg O'Connor,
Robert Friedman,*

to the communities of the Millburn Club, Beth Hatikvah synagogue, the Aikido Centers of New Jersey, Madison Studio Yoga, and the Arts by the People program.

Acknowledgements

I am grateful to Bruce Esrig for editing the English language texts. He brought to this task his penchant for deep thought, his playful sense of humor and his love of words and of semicolons.

I want to thank Rashel Minevich, Ed Pobuzhansky and

Aleksandr (Sasha) Kazakov for insightful comments and valuable suggestions.

I am glad that Anastasya Shepherd is my co-creator of the literary game we called “Travelers in a strange world”. This game is great fun to play, and it inspired “The Age of discovery”.

Metamorphosis

English language poems

Metamorphosis

What I used to think of
As myself
Turned out to be
A chrysalis.

Now it has split open.

An old woman is slowly emerging.

She will wait patiently
For her crumpled rags to unfurl,
For the sun to harden them
Into wings.

Ripening

*My little daughter wakes in tears:
She fancies that her bed is drawn
into a dimness which appears
to be the deep of all her fears
but which, in point of fact, is dawn.*

Vladimir Nabokov

Not life or death,
Creation or its fall,
Not good or evil,
But the whole, the all —

This fruit of knowledge
Is still dim, still green.
The ripening of dawn
Remains unseen.

The soul does not yet trust
The sense of sight,
Still hides in terror
From the kindling light.

It's here, though each glimpse of it is brief,
It's here, the lambent glow of joy and grief.

The Age of discovery

1. Indra's net

*Am I reflections of the world or the mirrors reflecting
it?*

Anastasya Shepherd

One story of this world
Begins with “Let there be light”.

I do not think that punctuation
Had been invented
When these words were first recorded.
But judging from what follows,
An exclamation mark
Should cap that sentence.

But what about Indra's net?
What are the words
That first emitted and still carry
The light that knits it into one great whole?
What punctuation should we use?
A question mark seems most fitting.

You and I, like everybody else,
Are both:
Jewels linked into a net
And reflections bouncing within a hall of mirrors.

But let us not get trapped.

We have the power to play it
Like a game, a dance,
A laugh-inducing tickle.

2. Voyagers

*Я список кораблей прочёл до середины
Осип Мадельштам*

*...The list Of soaring ships I've read up to the middle.
Osip Mandelstam (translated by Alex Sitnitsky)*

Wake up! Wake up!
There is a porthole, a port, a portal,
A momentary gap
Right here,
Where the past
Meets with the future.

A dawn breeze is rising.

You can glimpse the swaying masts,
The white sails being hoisted.
You can hear the seagulls laughing,
The lines groaning, singing,
Taut with force
Ready to propel the ship.

Let us arise and cross the threshold,
Let us run
To where the land and the water
Meet.

It is for us to name the vessel,
To unfurl the flag,
To set course
Across an uncharted sea.

3. Exploration

*It's a strange world,
made of echoing emptiness
pulling itself together...*
Anastasya Shepherd

To blossom into being
A new world needs travelers.

Now we are here,
Calling out to each other:
“Look!”, “Did you hear that?”,
“This feels just like...”
“Watch out!”, “Where does this...”,
“Well done!” “What if?”

Now we are here,
Exploring with all our senses:
Humor, awe, dread, irony, appreciation, wonder.

When we gaze up
Celestial bodies
Flare into existence,
Dance with each other.

Flocks wing across the sky,
Swarms billow over bogs,
The air comes alive
With singing, buzzing, courting, hunting, pollinating.

Each step we take tells us
What is underneath our feet:
Grass, ice, rock,
A swaying bridge above the mist
That rises from the chasm

To cling to our ankles.

I do not know how far
We are destined to travel.
But I trust this world
To keep unfolding space and time
For our journey of exploration,
For as long as we are here.

4. Siren song

*...you will come to the Sirens who enchant all who
come near them.*

Homer (translated by Samuel Butler)

Sirens have two kinds of songs
To lure those who come near them,
To bind the minds of travelers
With snares of longing.

Songs of adventure and of glory,
Of giving names
To new lands, to new creatures.

These songs promise freedom
From the tedium
Of familiar words,

From the confines
Of the cradle, the field, the hearth,
From the gray stones of the graveyard,
From the moss that steals over the names
Of a long line of ancestors.

Songs of warmth,
Of embracing arms and sheltering walls.

These songs promise to turn
The terrors, the regrets
Of past voyages,
The uncharted vastness of the future
Into words, into lusty tales
That can be traded
For a hearty tankard of ale
A seat close to the fireplace,
The eager gaze of a rapt listener.

5. Nightmares and their riders

*I have nightmares now.
I dream that something happened to you...*
Anastasya Shepherd

A nightmare is a kind of horse:
A powerful creature, wild and willful.

Approach her with respect, with skill,
For she may bite, kick or rear;
She may leave the one who dares to touch her
Broken, paralyzed, dead.

Yet she is capable of learning to accept a rider.

Balancing on the back of a nightmare,
Riding a dark dream,
We can leap much farther than is humanly possible.
A nightmare can carry us across an abyss.

6. Trains and their dreamers

*The train stitches together images,
like a demented alliterating seamstress...*
Anastasya Shepherd

The distant clatter
Of the predawn train
Quilts the quiet air,
Pulls the thread of the whistle
Long, long, l-o-ong
Through the mist.

Between sleeping and waking

I dream.

I piece together
Stations, timetables, tickets
To choose my own destination,
To fashion a different self.

7. Synaesthesia

*There are times in life when synaesthesia becomes
inescapable,
when water smells like lead and feels blue...*
Anastasya Shepherd

Escape is possible.

Search the floor of your perception,
Feel for the hidden trapdoor,
The moment of synaesthesia.

Pry it open,
Heave it up on its rusty hinges.
Plunge into the blue.

Roll up, solid, dull,
Like a ball of lead.
Sink through the water,

Pass through the gradations
Of the shimmering light
Deepening into darkness,
As the shadows thicken.
Let go of all
That has been visible.

Feel the weight of the ocean
Press you to the bottom.
Smell your own fear.
Taste the bile of loss.

Rise, rise like an air bubble.

Push through the cool resistance
Until you are released,
Until you burst into nothingness.

Let the freedom of empty space
Flood your senses with joy.

8. The Age of Discovery

You make choices.

Those choices make you.

Then you make choices.

Always a spiral – upwards or downwards – it's your

choice.
Anastasya Shepherd

Having circumnavigated our world,
I realize that it is not a sphere,
But a spiral.

I am back where I started from.
The path ahead is as unknown
As it was before the journey.

But you, my friend,
Who steadfastly stayed here
At the origin,
How did you find out?

Or was it clear?
Was it clear all along?

Theological Questions

Circling the pulsing center of their universe
The fish are passing through sunlight and shadow.
Their existence is framed, circumscribed, and protected
By the carved marble rim of the fountain's basin.

Do they fear or worship the hand that feeds them,
Removes their dead, repairs the stonework;
The hand that brought their ancestors here
From another world in a wooden bucket?

Can they see that the hand moves more slowly now,
That the bony fingers have grown stiff with age?

Portrait of a room

Now, as a human life in this room
Is ebbing,
The attitudes of the objects
Become apparent.

The rocking chair
Stretches forth its arm-rests,
Ready to embrace, to lull,
To enthrall with the stories
Of a long life-time.

The mirror turns a blind eye
To all that is happening here,
Gazing intently
Into its own distant dreams.

The hospital bed knows
That it is seen as ugly,
Unwanted in every room that it enters.
Yet it goes about its work
Reliably and with care,
Keeping the patient
As comfortable as it is able.

It does its best to be unobtrusive.

The edge of the crystal vase
Glitters hard in the corner.
Being confined to a sick-room,
Enduring the dusty monotony
Of pathetic fake flowers —
This is not what it's made for!

The curtains hold back the darkness,
Soften the mid-day light.
Catching the slightest motion of the air,
They stir like wings,
Like the white sails of a ship,
Sensing the wind, the space
Of a great invisible world.

Orbit

The Earth falls towards the Sun.

There are no elephants, no turtles,
No hand of Providence
For the world to rest on.

What keeps the planet in orbit
Is its unwavering observance
Of “the laws of nature”.

But what is inside those words?
Dead force?
A command backed by fear?
A solemn promise given long ago?
Or a bitter-sweet journey
On a freely chosen path?

Creation stories

To Orna Greenberg

In the story
Of the first creation
The Divine power
Lifts the supple clay,
To mold His image,
To imprint Her likeness.

The Divine breath
Enters the human shape,
Calls it to life.

The potter's hands
Explore a lump of clay,
Stroke, press in
The hollow of the vessel,
Form the plump lip,
Extend the graceful neck.

The artist dips the brush
Now into paint, now into water.
An image blossoms:

Ocher and sienna blend;
The colors thicken —
Shadows outline the round rim,
The colors thin —
Light curves down the glazed flank.

You
Lift the clay jar,
Gaze at the painting,
Read these lines,
You
Have the power
To breathe into a creation
Awareness, thought, meaning,
Life.

Creation

It is possible to escape,
To hide from the darkness:
Squeeze your eyes shut,
Press hard on the eyelids.
Circles of phantom fire
Will blaze in front of your staring pupils.

Let us trade: I would barter
My past, my memory,
For a handful of stars,
For the dimmest of constellations...
But you drive a hard bargain
By simply refusing to exist.

In a blind rage
I splinter my heart into kindling,
Pour gasoline,
Set the whole mess aflame,
Watch as it burns to ashes.
But it keeps on beating,
It keeps on beating in the darkness.

There is nothing to do but sit.

Stare into the void.

Read the blanks on the empty page,

Over and over,

Till they form a pattern,

Till the repetition yields a meaning:

“Let there be darkness, for there is.”

There is darkness.

There is darkness.

There is darkness.

All there is, is darkness.

Until slowly, slowly

Contours form,

A faint outline emerges:

“Let there also be light.”

Realities

*we create a thin veneer of simplicity and
predictability
over terrifyingly unmanageable chaos
and call it reality.
Anastasya Shepherd*

We call it reality
And consider the matter settled,
So we can turn our attention to
Making sandwiches for the school lunchbox,
Submitting the quarterly forecast report,
Walking the dog,
Writing the thank you note.

At least, that is how it is
For some of us,
Some of the time.

We collect data about it,
Quantify the uncertainty
Of our measurements,
Publish papers in academic journals.

We put ironic quotation marks

Around its edges,
Take selfies.

We blaze with anger about what it is,
Emblazon on our banners
What we want it to be.
We split into tribes, go to war,
Mangle and kill each other
Under the pretext
That there is one right way,
One right answer to every question
About the definition
Of a pin, a dance, an angel;
About the way to count how many...

We beat our heads against it,
Search for the path, the mantra, the koan,
Meditate, keep diaries,
Create sand mandalas of great beauty,
Sweep all the colors together,
Let the river carry them away
As we fall into insanity,
Rise to enlightenment,
Or the other way around.

We pick it up like a toy, a ball.

We run across sunlit grass,
Laughing,
Tossing it back and forth.

We forget it in the gathering dusk
Under the lilac bushes.
It is time to go back in,
To get some sleep.

At least, that is how it is
For some of us,
Some of the time.

Constructivism

Proof by construction is the path
That God Himself has set in math.
To prove that chaos can be transformed
Into a world, the world was formed.
A choir of angels came to be
Singing: "Hosanna! QED!"

But man, a thing of clay and dust,
Had little wit and too much trust.
Soon he was fooled and led astray.
And we, his children, to this day
Remain a weak and bounded race.
Induction for the finite case
Is all we do, till in the end
Each one must meet the final N.

But there is yet a baser proof.
It's branded by a fiery hoof.
Proof by negation seeks to alter
The very truth. And should you falter,
And in your pride or desperation
Seek to invoke the dark negation,
Repent! Or you should ever rue

Your “Let the opposite be true”.

Double Negative

*It is like a sword that wounds, but cannot wound
itself...*

Zenrinkushu translated by R. Blyth

Nothing is certain.

Nothing can be guaranteed.

Not even nothing.

American Gothic

She dressed properly,
She spoke quietly,
She loved modestly,
She died peacefully.

Harmless, humble,
God's lamb...

Damn!

Supernova

Loss drives concealed love
To go supernova.

It blows its cover
With a flood of blinding light.

It bursts out,
Piercing space with rays of radiation.

It screams and screams,
Pressing hard against the walls of reality,
Pushing apart the boundaries
Of the universe.

Trees dreaming in winter

In deep winter the sleeping trees
Dream of branching out,
Spreading wider
Than the reach of their earthly life.

Their roots drink in the stillness that pools
Beneath all layers of the ground.

Their crowns bloom with constellations.
They hum and sing with winged beings
Who are tinier than the smallest insect,
Greater than the largest bird.

They drop their luminous fruit
Into the stream
That flows far beyond
The shores of the known world.

Soap bubble

God as a soap bubble:

Water, breath, form.

Sublime, radiant,

Evanescent, eternal,

Emerging again and again,

Beguiling the senses

With rainbow illusions,

Holding the light of existence

With perfect clarity.

Kingfisher

Indigo and russet dandy,
Fearless diver,
You plunge from a tree
Into a stream;
Burst from the water
Into the sky.

Hungry hunter,
You snatch living quicksilver
From the swift current.

In your sharp beak
Quivers my soul.

Глина

Стихи на русском языке

Глина

Как луч, преображённый витражом,
Как воздух, в слово перекованный в гортани,
Душа желает влажной глиной стать,
Во всём покорной всемогущей длани.

Пускай пройти придётся сквозь огонь,
И век служить, и не копить заслуг,
Она желает и творит себе сама
Предназначение, и гончара, и круг.

Узор

Торговцы счастьем, продавцы спасенья
Лукаво зазывают: «Выбирай —
Душа иль тело, вечность иль мгновенье,
Там в ад дорога, тут тропинка в рай».

Но, страха и надежды не тая,
Познает дух, уверится сознание:
Единой нитью по канве небытия
Расшит живой узор существованья.

Элементы

Геоцентрическая космология Аристотеля включала предположение, что вокруг центра Вселенной расположены последовательно сферы четырёх элементов в порядке уменьшения их тяжести – земли, воды, воздуха и огня; выше их расположены небесные сферы.

Из Википедии

1. Недра

В недрах, в сумеречной пещере,
Густ медвежьего логова дух.
Там не логика, и не логос,
И не зреньё, а ощупь и нюх
Постигают древние корни,
Познают первозданный секрет,
Без которого ни разуменья,
Ни прозренья, ни логоса нет.

2. Сообщающиеся сосуды

Через кровь вода проходит и через лёд,
Помнит и соль пучины, и облака лёт,

Сплетает в толще молчания сеть корней,
Беззвучно друг с другом шепчущихся на дне,
Где, кажется, нет ни движенья, ни счёта дней.
Где, кажется, неколебима твердыня камней.

Вода размывает стену меж «да» и «нет»,
Встречает мрак отраженьем и радугой свет.
Поит весенним небом земную грязь
Сообщающихся сосудов живая связь.

3. Зимородок

*В мире не так уж много птиц, нуждающихся
сразу в трёх стихиях – водной, земной и воздушной.
Зимородок – из таких.
Из Интернета*

Зимородок,
Весёлый маленький франт,
Бесстрашный ныряльщик
С земли в воду,
Из воды в воздух,
Недолговечный ловец
Серебряных рыбок,
В твоём клюве
Трепещет моя душа.

4. Игра в бисер

Из речи зачерпывать пригоршни слов и созвучий
И капли нанизывать на паутинные сети —
Двойник, антипод, собеседник, у этих излучин
Так в бисер играть мы учились с тобой на рассвете
И мнили, что день бесконечен, что мы неразлучны.

Давно, так давно... но сплетения зыбкие эти
Сверкают в закатных лучах среди сонных соцветий.

А всё остальное лишь судеб развилка, лишь случай.

5. Сад

*Я хочу, чтобы все вошли в рай.
Тата Гаенко*

Смертному в смерти не усомниться.
До золы, костёр, догорай.
Моя душа не умеет молиться
И не ищет дороги в рай.

Но если ты за меня попросишь,
Буду рада молитве твоей.
Пусть из забвенья на миг возвратится

Имя моё. На твоей странице
В дальнем саду быстрой тенью птицы
Промелькнёт за сплетеньем ветвей.

«Оставь, оставь... Что было, то прошло....»

*...Это была главная церковь Лиссабона. Землетрясение 1755 года, вызвавшее пожар, уничтожило большую часть монастыря, его церковь и библиотеку. Разрушенную церковь решили не восстанавливать. Эти благородные руины можно осмотреть за 3.50 € с 10 до 18.00.
Из Интернета*

* * *

Оставь, оставь... Что было, то прошло.
Что не было, тому уже не сбыться.
Пытаться подсчитать добро и зло —
Напрасный труд.

...Взмывает в небо птица
Над остовом готического храма.
Не здесь, а в Лиссабоне. Не сейчас,
А в памяти.

Всё остальное – рама,
Стремленье заключить и подровнять

Безмерное.

...Премудрый свинопас,
Который тщится сделать состоянье
На перлах, свиньям брошенных, смешней
И бестолковой всех своих свиней.

Двойник заслуженной награды – подаянье.
В дарёной жизни не считают дней.

Круг

Что же, любовь, всё зовёшь ты, всё ищешь
То в небе своё божество, то в толпе?

Алхимик, школяр в фолиантовой чаше,
Усталый паломник на горной тропе,
Пути не найдёшь, не услышишь ответа
И тень не поймаешь, лови не лови.

Нет тайны иной, нет источника света
Иного, чем тот, что трепещет в любви.

Кантата

Словно музыка Баха,
Спокойна и высока
Летнего вечера синь
Над тихим сумраком сада.

Звёзды и светляки
Мерцают над влажной травой,
И благодарна душа
За тишину и прохладу.

И благодарна душа
Творцу, которого нет,
За то, что небытие его
Сокрыто от взора,

Что звёзды и светляки
О Боге всю ночь говорят,
За то, что причастна она
К безмолвному их разговору.

Молитва плотоядному божеству

Не расставляй мне силки,
Не заточай меня в клетку.
Не губи моего птенца
До меня.
Не руби обжитую мною ветку.

В осеннем лесу на закате дня
Высмотри, подкрадись,
И да будет стрела твоя меткой.

Душа *Триптих*

1. Тайком от разума

Сквозь шум и хаос,
Задыхаясь и спеша,
Расслышишь
И признаешь понемногу,
Что молится озябшая душа
Тайком от разума
Низверженному Богу.

2. Прозренье

Душа, не верящая в Бога, —
Нагая, смертная душа.
Её не манят песни рая
И муки ада не страшат.

Ей некуда нести молитвы:
Смиренье, благодарность, лесть.

Она в пути своём бездомна.

Ей сострадание и честь
В ненастье служат маяками.

Она живёт в последний раз.
И пусть прозреньем озарится
Весь путь её в предсмертный час.

3. Свобода

Душа печальна и пуглива,
Нежна, насмешлива, беспечна,
Мудра, бесхитростна, лукава.

Со смертным телом неразлучна,
С ним смертна.

Век свой быстротечный
Познав, приняв, она свободна,
Светла, неповторима, вечна.

Жасмин

Весенняя душа в больном, согбенном теле,
Жасминная, цветущая душа,
Как ты утомлена, как ты близка к пределу
И как благоуханно хороша!

Молчанье

Обряд принятия молчанья

Печален.

Молчалив обряд

Печали.

Предрассветной ранью

Теней неторопливый ряд

Скользит меж темнотой и светом,

Меж сном и явью.

Не спеши

Облечь в слова, в дневные мысли

Посланцев призрачных души.

Зеркальная симметрия

Если Бог создаёт человека
По своему образу и подобию,
То Бог многообразен и изменчив:
Женщина, мужчина,
Младенец, девушка, старик.

Если человек создаёт Бога
По своему образу и подобию,
То Бог противоречив и разнороден:
Отец, мать, судья,
Сестра милосердия, палач,
Самодержец, пастух, поэт.

Молоко и кофе, горечь и сладость
Смешаны по-разному в разных чашках.

Одно постоянно и неизменно:
Уязвимый и конечный создаёт слово,
Отделяющее темноту от света.
Познавший свою смертность
Становится творцом.

Дары звездочёта

Посвящается Елене Касьян

1. Слова

*Крыши присыпало снегом, как стрептоцидом.
И кажется, что вот-вот всем должно
полегчать.
Елена Касьян*

«Крыши присыпало снегом, как стрептоцидом.
И кажется, что вот-вот всем должно полегчать».
По ниточке этих слов я карабкаюсь к дальнему свету.
У них я учусь стихами не говорить, а молчать.

2. Хлеб

*...у памяти не было веских причин
нас кормить от души воробьиным усушенным
хлебом...
Елена Касьян*

Без крошек птичьего хлеба
В сытости нет утоленья.
Асфальт городской был бы мёртвым,

Если бы не воробьи.
Душа благодарна за россыпь
Воробьиного угощенья —
Слова любви и печали,
Простые строки твои.

3. Метель

*Смотри, как перевозят снег
В небесной лодке...*

Елена Касьян

Небо придумывает снежинки —
Созвездия, рои, кружевные вихри
Бессчётных танцовщиц, мотыльков, соцветий.

У каждой, у каждого есть миг рожденья,
Свой путь, своё место, своя кончина,
Заветное, неповторимое имя,
Строка на тайных, вечных скрижалях.

4. Свет

*Мы войдём в этот свет, в этот год,
в этот белый предел...*

Елена Касьян

На обледеневшей крыше

(О, как высоко, как страшно!)
Звездочёт разгребает,
Как первый снег, облака.

Приподнявшись чуть выше,
В ладонь собирает неспешно
Созвездья... Не оскудевает
Дарящая звёзды рука.

«Не зверь, не человек, не бог...»

* * *

Не зверь, не человек, не бог...
Но кто-то смотрит вслед,
Высвечивая дальний путь
Сквозь толщу миль и лет.

Сквозь ночь, сквозь штормовую мглу
Мне вдруг издалека —
Луч взора этого как знак,
Как проблеск маяка.

Не зверь, не человек, не бог...
Но знаю – выйдет срок,
И прочитавший тайный смысл
Всех дел моих и строк
Заглянет прямо мне в глаза
И подведёт итог.

Исход из центра Сансары

Ты же бог

Или демон, что однофигственно...

Тата Гаенко

1

Вылупиться из скорлупы своего я.
Не нарекать своё отражение
Ни демоном, ни богом.
Обнаружить, что предназначение зеркала —
Пускать солнечных зайчиков.

2

Река, и солнце, и деревья.
В движении – вода, и свет, и листья.
Рябь отражений серебрит изнанки листьев.
И ветви шелестят, колеблют блики,
Играя светом на поверхности воды.

«Не там и не тогда – сейчас и здесь...»

* * *

Не там и не тогда – сейчас и здесь.
Не то, что быть могло, а то, что есть:
Ладонь открытая и вольное дыхание.
На полпути между твореньем и творцом
Конец с началом сомкнуты в кольцо,
И молнией – мгновение познания.

«Скажи, откуда это воспоминанье...»

* * *

Скажи, откуда это воспоминанье:
Взмах, толчок, упругость под плавником.
Движение вверх, вода омывает жабры,
Мерцанье чешуйчатых тел – идём косяком.

А может быть, правы индусы и все мы – скитальцы,
Кочуем из жизни в жизнь, из сюжета в сюжет?
Скажи, что снится тебе?

Железные цепи,
Браслеты из львиных когтей, белоснежность манжет...

Но, значит, всё-таки руки? Меняются только
Костюмы да реквизит – то стилет, то стило.
А мне всё чудится снег, морозящий лапы,
И свет предвечерний, лежащийся на крыло.

Свет

У Ангела крыла

Обожжены...

Наталья Мурадова

Не веруя, верю лишь вере твоей.
Под свод не ступив, я стою у дверей.
Я странник здесь, а не паломник.

Но видит душа и запомнит
В молитве воздетые руки свечей,
Над ними простёрты ответом
Крыла небывалого света
В дыму золотом опалённых лучей.

«До ночи донести набухшие глаза...»

* * *

До ночи донести набухшие глаза,
Сдавить до темноты звериный вой тоски.
А там уж вскрыть сосуд отточенным серпом.
Пусть хлещет чёрный ток на звёздные пески,
Пусть молится душа, кошунствует язык —
Бог ночи тугоух и ко всему привык.

«Ослепший разум следует покорно...»

* * *

Ослепший разум следует покорно,
Душе поверив.
Недогадливый слепец
Не ведает, что поводырь
Незряч и претендует на бессмертие.

...А впрочем,
Короче путь, зато богаче счастьем.
Пределам горизонта неподвластный,
На слух, на вкус, на ощупь
Мир – прекрасен.

Пляска

Этой ночью ты зажгись, ты спляши,
Огонёк, на белой свечке души.
Тьма предзимняя безлунна, длинна.
Не робей, пляши, огонь, у окна.

Ты маши своим атласным платком
Перед чёрным неподвижным зрачком
И задорным золотым язычком
Со своим зеркальным спорь двойником.

Не жалея воска белой свечи,
Ты отплясывай в кромешной ночи.
Без усталости, без страха, без сна
До зари пляши, огонь, у окна.

Солнцеворот

В ночь зимнего солнцестоянья
Не верится в солнцеворот.
Груз тьмы придавливает веки,
От холода немеет рот.

Но ловит ухо, как под снегом
Во сне шевелится трава,
И мир во мраке приникает
К сосцам набухшим божества.

Дикие гуси

*Владимиру Шнейдеру с благодарностью за
«ясную воду» из «Антологии дзенских фраз»*

*Дикие гуси не стремятся отбрасывать тень,
а вода не стремится хранить отраженье.
«Антология дзенских фраз»*

1

Как пронзительна
Осенняя переключка гусей!
Острокрылый клин рассекает
Темнеющее золото неба.

Озеро, научи меня
Беспечальной пристальности взгляда,
Одинаковой ясности – и в миг прилёта птиц,
И в миг их исчезновения.

2

Невод разорван.

Снова неувима
Рыба бытия.

«Нас боги обжигают, как горшки...»

* * *

Нас боги обжигают, как горшки,
И мы вопим, и молимся, и молим.
Но не вольны избавить нас от боли
Из глины слепленные нами же божки.
Поскольку для того, чтоб стать богами,
Они должны пройти сквозь то же пламя.

Vine

English language poems

Vine

Do not struggle to pull out
This gnarled vine.
By nature, its grasping roots
Sink into the darkness;
Anchor themselves among rocks,
Grove for the bones
Of the long-buried past.

It chooses its seasons.
You might as well accept it:
Every spring it wakes up
Before any other plant;
Its shoots come up not green,
But crimson, their buds unfolding
From balled fists into palms
Shiny, as if dipped in gore.

Adjust your expectations:

It will not reward you with sweet fruit
For allowing it to have its share
Of rain and sunshine.

You might as well learn to laugh
As it mocks the gardening catalogs
With their gushing promises
Of enchanting scents and delicate petals,
Of silvery autumn parachutes
Wafting out of the meekly shriveling pods
To proclaim hope and faith in the next spring.

This vine grew here, in this soil,
Long before you claimed this land
For your garden.

Sea

It is futile to search
For the edge of the sea,
To draw a line in the sand
And tell the water: “No further!”

Neither cunning nor strength
Can change the flow of the tide.
Prayers and offerings won't
Avert a gathering storm.

Seeking to fathom the depths,
Saving a stranded starfish,
Can only alter the course
Of one fate at a time.

Portrait of an ancestor

By the end of her life
Her mind was an uninhabited island.
The jungle had taken over:
Every spire and rut of civilization
Had been smothered by a creeping tangle.

Dark, luxuriant and chaotic,
It was filled with carnivorous wildlife,
Bubbling with bloodshed,
Howling with mayhem.
It defied all attempts at description.

This distant past would hardly concern me
If it were not for the blade of grass
Pushing apart the flagstones
Of my garden path.

I wish

“I wish” – a seed falls to the ground.

Not much chance
That it will land on fertile soil,
Find water, reach sunlight.

The substance of reality is hard.
It is mostly rocks:
“Impossible”, “Forbidden”, “Or else”.
It is riddled with petrified bones:
“I regret”, “I never”, “I always”.
It is swarming with voracious mouths:
“I should”, “I promised”, “I must”.

“I wish” – a seed falls to the ground.

Not much chance,
But a chance nonetheless.

May it take root: “I am”,
May it send up a shoot: “I will”.

Black Cat

Cat.

Feral black cat.

No name that I know of,
No name that I would presume to bestow.
For ten years I have addressed him
By his title:
“Cat”.

Sometimes he comes by for a leisurely visit.
He meows, I sing-song: “kitty-cat”.
His four paws step delicately in a single line,
The tail flicks my knees.
As I stroke his slick arched back,
He weaves infinity signs
Around and around my ankles —
A hypnotic ritual of joy.

Sometimes he shows up
Skittish, bristling,
Not wishing to be touched.
He eats the offered food quickly,
Silently melts into the night,

Black into black.

Sometimes he meets me
As I am taking a walk in the evening:
Emerges from the cover of a bush,
Follows me to my house,
Flickering as he passes through the shadows.

Sometimes he appears on my porch
Night after night, for a week.

Sometimes he is gone for a month or more.
I fret, walk around the neighborhood,
Pausing by every promising bush,
Calling him, knowing it is in vain.
His comings and goings are not predictable,
Are not governed by my concerns.

It would be a human conceit
To imagine that the cat intends
To teach me non-attachment.
But I learn, nonetheless.

In the supermarket,
I pack seven cans of “seafood dinner” into my bag.
The purchase is an act of hope.

I have not seen him in weeks.

The cashier asks with genuine interest:

“What kind of cat do you have?”

“I do not have a cat.”

Responding to her unspoken question,

I add, wistfully:

“This is for a friend.”

She stares, perturbed.

I wade deeper into the truth:

“My friend is a cat.”

Self-knowledge

The early bird gets the worm.

The early worm gets a one-way ticket
For a trip down the bird's intestines.

Therefore, seek self-knowledge.

If you are a bird,
Do not feather your bed overmuch.

If you are a worm,
Do not delude yourself into expecting
That your wings will be sprouting any day now.
Instead, dig deep
And stay away from alarm clocks.

River Lethe

*On love, on grief, on every human thing,
Time sprinkles Lethe's water with his wing.
Walter Savage Landor*

*Dr. William T.G. Morton, who first publicly
demonstrated the use of ether as an anesthetic, called his
ether «Letheon»*

River Lethe,
Your name
Flows from the distant myth,
Stealthily seeps
Into the language
Of the here and now,
Glimmers
In the shadowy words:
Letheon, lethal, lethargic.

Your luminous waters
Wash away
All loss,
All longing.
Your silver whirlpools
Sweep away

All burdens,
All bonds.

It is not yet my time.

I walk on solid ground,
Though my feet
Sense the soft path
Sloping down to your shore.
I do not quench my thirst,
Though I know the taste
Of each syllable
Of your name.

River Lethe,
River Lethe,
River Lethe.

After the end. Lamentation

I love this child of mine
Like no other.

I remember
This one rising,
Striving, passing
Like no other.

My wounds still fester,
I still burn with fever,
Convulse and shudder
With the aftershocks.

I am still haunted
By the bitter end
To all the building,
Worshipping, contending,
To all the restless seeking...
The bitter, self-inflicted end.

This child of mine
Was not content
To live day after day,

To let the seasons
Revolve without change,
To let each generation
Pass through life
From start to finish.

This child strove
To subdue the flow of time,
To master life,
To conquer death,
To slip out of my embrace.

To this child any bond
Was bondage.

But still I love,
Remember,
Long for
This one child of mine
Who was like no other.

I keep the imprints
Of the footsteps
Pressed into my clay,
The bones fused with my stone.

The soaring, crumbling towers
Reach for the sky.
The rusting bridges
Sway across the chasms.
The words still sing:
Praise,
Lamentation,
Knowledge,
Love,
Despair...

The words still sing,
Though there is no longer
A voice to give them sound,
An ear to hear and comprehend.

The words still sing
On the singed, moldering pages,
Even as all that was created
By this child,
My child,
The human,
Returns to dust.

Pine Tree

This pine tree does not end
At the tips of its needles.
Its shade soothes wilted grass.
Its seeds feed a squirrel
And a family of grosbeaks.
Its progeny can be found
As far as the next ridge.

Its sap sticks to my fingers,
Holding my words together.

Longing

Silent waters are swiftly rising,
Engulfing dead leaves and last year's grasses,
Deepening
Under the rippling lace
Of the inverted bare trees,
Darkening under the bright reflections
Of white clouds in the April sky.

This flood of longing
Is unlike all the upheavals
That I remember:
The scorching dust-devils of desire,
Despair's armor of hard black ice.

Back then
I retreated,
Hid in my house,
Shuttered the windows.

Now, enchanted, oblivious to danger
I draw closer, closer
To the water's edge.

Roots of memory

How tenacious
Are the roots of memory!
Their grip endures
Long after the tree is gone.

In my dreams,
I still turn to you,
The way a blind woman
Turns her face towards the sun.

September 11, 2001

You were wrong.
There is no God
Outside of how we treat each other.

Lusting to carve your names
Onto eternity's tablets,
You darkened the sky with a symbol
Written in blood and in ashes.

Its meaning could not withstand
The flood of tears.
It was undone
By the first shuddering sob.

Manhattan. February. Tuesday

Driving rain, thick fog.

Skyscrapers have lost their heads.

New Yorkers press on.

Umbrellas

A steady stream of umbrellas.

Some shelter couples.

A few are bobbing, jostled
By a laughing company of friends.

Most are held
By people walking alone,
Hurrying domes of silence.

Sunrise

The smoothness of the lake is marred by wrinkles
Of morning ice.

A single raspy cry dropped by a crow
Drifts slowly
Through the empty autumn air.

Squirrel

On this frozen day,
A squirrel quilting the snow
Gets the world going.

Inattention

Splash! Circles spread out.

Was it a frog or a turtle?

Too late to look now!

Dance

Up! Down! Loop-the-loop!

A sparrow chases a moth.

Life dances with death.

The 7:54 train

The 7:54 train rumbles past the yoga studio.

Our supine bodies absorb the shaking of the floor.

The train of thought that had whisked
My attention way past the desired station
Of calm contemplation
Grinds to a halt in its customary tracks.

Distracted from my distraction,
Eyes still closed,
I take in the soundscape.
The Doppler effect makes
The clacking of the wheels
Higher, then lower,
As the racket recedes.
The rattle of the window panes settles.
The teacher's calm voice
Emerges from the noise:
"This train has nothing to do with you,
You are not at the station,
You do not have a ticket,
Keep watching your breath."

The engine of my inner locomotive
Clangs,
Ready to resume its relentless work,
To propel its tired passengers
Into the ever-receding distance.

Лес после грозы
Стихи на русском языке

«Нас боги обжигают, как горшки...»

* * *

Печалью жажду утолив,
Весельем – голод,
Свободен тот, кто всё простил,
Он снова молод.

Ему не в тягость дальний путь,
Открытый взору.
И ясен свет, и внятен зов
Его простора.

Кинцуги

Кинцуги – японское искусство реставрации керамических изделий с помощью лака, смешанного с золотым, серебряным или платиновым порошком... Поломки и трещины неотъемлемы от истории объекта и поэтому не заслуживают забвения и маскировки.

Из Википедии

Золотую починку – кинцуги —
Чистым золотом не оплатить.

Чтоб разбитая ожила чаша,
Из осколков придётся испить
Крови, горечи, соли, забвенья,
Страха, мёртвой воды пустоты,
Покаянья, печали, прощенья.

И тогда лишь познаем биенье
Пульса в жилах её золотых.

Мутёнок и клонёнок

Клонёнок и мутёнок (интересная может сказочка получиться).

Вячеслав Лейкин

Жил да был на свете Мутёнок. Он был не такой, как все, не похожий на всех остальных – ят и – ат в своей округе, даже в максимальном радиусе. Поэтому никто с ним не хотел ни – ать, ни – ться, и ему было – но и – ко.

Однажды Мутёнок не стерпел и пожаловался на это своим Мути и Омуту. Те, конечно, сперва возмутились, грозились всех этих – их и – их, – ят и – ат хорошенько от-, на- и при-, а также показать им, где и куда. Но, поостыв, поняли, что даже если бы им это и удалось, то Мутёнку-то по-прежнему будет не с кем – ать и – ться.

И тогда Муть отправилась к Жути, которая ей была – ой то ли по прямой, то ли по касательной линии, и всё ей рассказала. А та и говорит: «Приведите ко мне своего Мутёнка, оставьте его у меня на два-три, и я всё устрою». Вообще-то Жуть, конечно, но что было делать? Привели и оставили.

И вот спустя два-три вернулись. Глядят, а рядом с Мутёнком – Клонёнок. Точь-в-точь. А чуть позади – ещё один Кло-

ник. И тоже – как две капли. А там, дальше, – целое стадо клоновое. И все как один.

Вот с тех пор. И всё больше и больше. Так что в конце концов.

А ведь если бы – ята и – ата с самого начала, то никакого Апокалипсиса и не было бы.

Сердце зимы

Отпусти меня в самое сердце зимы.
Настежь дверь распахни мне в полночный мороз.
Тебе страшно, что там, за порогом, лишь мгла.
Ты не веришь, что воды непролитых слёз
Замерцают снегами в сиянии звёзд.

Ты не знаешь, что в памяти я сберегу,
А что брошу, как мёртвые ветки, в огонь.
Всё равно отпусти. И как выкуп, как дар,
Серебро зимней ночи пусть примет ладонь.

Пустота ли, простор ли – всё это одно.
Пусть в дороге моей ты не видишь пути,
Всё равно на прощанье благослови.
Не жалей. Не тревожься.
Пора.
Отпусти.

Равноденствие

1. Осень

Тревога, тревога, тревога
Трубит в свой охотничий рог.
Во мрак убегает дорога,
И ветер свистит у порога,
И посох стучит о порог.

2. Весна

Волнами, волнами, волнами
Уходит простор к горизонту.
Кругами, кругами, кругами
Тень птицы ласкает траву.

В давно онемевшие губы
Вливается тёплая влага.
Глаза, позабывшие зренье,
Безмерную пьют синеву.

Памяти С. А. Дыренкова

Ангел усталый лыжню проложил в облаках.
Плечи и крылья натёрты: ружьё и рюкзак.
Знает он свойства всех трав и повадки зверей.
Знает, чьё пастбище – свет, а чьё логово – мрак.

Что мне за дело, какого он бога слуга?
Слов его мне не понять, но читаю следы:
Дыма горчинку над сладостью вечных снегов,
Сполох багряный над кромкою звёздной воды.

Нет ни пути впереди, ни дороги назад.
Две параллели сбегаются в точку вдали.
Это – ему приговор и награда ему:
Землю живую беречь, не касаясь земли.

Размышления Лиса

Пшеничные поля ни о чём мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»

Ручные тоскуют
По прикосновению рук.
А я – отвык, одичал.

Неразрывен круг
Привычных созвездий.
За ним затерялся след
Иномирного странника.

Спелых колосьев цвет
Снова сделался
Лишь позолотой осенних дней.
Я не вижу сигнала
В мерцании дальних огней.

Я забыл, растерял
Всё, чему я когда-то учил.

Но ведь он научился?

Ведь он меня приручил...

Колыбельная

Пускай покой к тебе приткнётся тёплым боком

И замурлычет под твоей ладонью.

Морозные просторы заоконья

Забудь на время. Пусть бессонным оком

Луна, как часовой, глядит сквозь дымку,

Пусть зимний ветер флюгер ржавый вертит.

Тревоги жизни и печали смерти

Забудь на время.

Спи с теплом в обнимку.

Нет так нет

Нет так нет, нет так нет.
Звук стихает. Меркнет свет.
Спотыкается, плутает,
Исчезает чёрный след.
Небо землю укрывает,
Подтыкает толстый плед,
Стелет, стелет первый снег.
Нет так нет, нет так нет.
Замедляется дыханье,
Время замедляет бег.
Сон наркотный, кокон, мантра,
На семь бед один ответ:
«Нет так нет, нет так нет».

Рассвет

Птиц предрассветных свист, как сеть,
Меня со дна морского тянет.
Незащищённый мрак зрачков
Лучи пронзительные ранят.

Я против воли выплываю
В дневную явь из забытья.
Жемчужная корона тает,
С плеч исчезает чешуя.

Я против воли просыпаюсь.
С моих волос стекают сны —
О невесомости подводной,
О зыбких тайнах глубины.

Вечер

Погружаясь в сумрак,
Как в воду,
Освобождаюсь от груза
Памяти, слов, имён.

Осязанье, слух, обонянье
Опережают зренье.
Явь раскрывает объятья,
В себя принимая сон.

Был бы Бог, я б молилась,
Слушал бы ангел – пела.
Но я ощущаю рядом
Лишь вечер да тишину.

И я, как дельфин, выдыхаю
Безмолвную благодарность,
Всплывая и вновь погружаясь
В мерцающую глубину.

Опыт

На чёрной линзе телескопа
Своё увидев отраженье,
Не делай выводов поспешных.

Служить своей же тени тенью,
Быть должником своей судьбы,
Готовить хитрую приманку
И крюк для собственной губы
И путать зеркало и дверь —
Смешно, но как-то без веселья.

Уж ты мне на слово поверь.

Колыбель

Если зимняя ночь
Была тебе повитухой,
Если первую песню
Пела тебе старуха,
В колыбели качая
Под замёрзшим оконцем,
Если звёзды светили
В окно твоё раньше солнца,
То тебя не закружит
Весеннее половодье,
Ты с конём доплывёшь
И в руках удержишь поводья,
Ты не сомлешь в жару,
Не оробеешь в грозы,
Осень тебя не купит
На золото или на слёзы...

Зимняя ночь распахнёт
Тебе объятая метели,
Обовьёт, укачает
В ледяной колыбели.

«По дороге идёт прокажённый...»

По дороге идёт прокажённый...
Полина Барскова

* * *

По дороге идёт прокажённый.
Отвернись, притворись, не смотри.
Не давай разрастаться безмолвью:
Говори, говори, говори.

Скрой и имя своё, и прозвание,
Зеркала простынями завесь.
Затверди, как слова заклинанья:
«Не у нас, не сейчас и не здесь».

Эта поступь булыжники плавит,
Эта тень опалает траву.
По дороге идёт прокажённый.

Это сон... Это не наяву...

Озёрный край, Англия

Руно дождя колеблет травы,
И облака отражены
В лугах овечьими стадами,
И, словно овцы, валуны,
Спустившись к водопою, дремлют.
Стада небесные, земные
Пасутся вместе – все равны
В глазах озёрных: явь, и память,
И прорицательные сны.

Земля

Мне столько раз выпадало
Вскапывать грядки весной,
Пробуждая огород,
И осенью, баюкая его
После первых заморозков;
Мне столько раз приходилось
Навек прощаться, укрывая землёй
Могилу близкого человека,
Что теперь, когда я ощущаю
Запах влажной земли,
Её вязкую тяжесть на лопате,
В памяти одновременно всплывают
И названия сортов гладиолусов и помидоров,
И слова поминального кадиша.

Чужая смерть

Иногда ко мне в гости приходит чужая смерть. Я подаю ей чай. Чужая смерть пьёт чашку за чашкой, медленно мажет свежую булку апельсиновым джемом. Разомлев от угощения, она постепенно становится раскованнее и общительнее и полностью завладевает разговором.

Она любит рассказывать о своей работе, о своих, как она их называет, «клиентах». Чужая смерть приходит в возбуждение, жестикулирует, много смеётся (у неё удивительно ровные зубы), раскладывает на скатерти печенье и сахарные кубики, чтобы пояснить ситуацию и точнее передать расположение действующих лиц. Я вежливо поддакиваю, а между тем волосы у меня на затылке шевелятся и норовят встать дыбом. Она говорит и говорит, а я всё киваю и киваю, как фарфоровый болванчик. Дело в том, что я надеюсь, что однажды она заговорится и опоздает на работу, собьётся с графика, пропустит кого-нибудь по списку, а там уж будет поздно навёрстывать упущенное.

Но каждый раз она вовремя спохватывается и начинает собираться. Я пытаюсь уговорить её не торопиться, выпить ещё чашечку. Нет! Тон её резко меняется, становится сухим и официальным. Она быстро прощается, берёт свой чемо-

данчик и уходит.

Я убираю в буфет банку с ненавистным джемом и долго слежу из-за занавески за удаляющейся тенью. Меня душат злые слёзы бессилья.

Послание на песке

*Вячеславу Лейкину, в память о Тамаре
Николаевне*

1. Ученик

Так по какому праву
Бывший ученик

(Не бывший – давний.
Но всё равно —
Давно уж не птенец
И не подлётоток,
Давно уж взрослый,
Сам выдавший виды
И сам учитель
Для своих учеников),

Так по какому праву
Он себе позволил
Ворваться столь бесцеремонно
К учителю
И учинить такую сцену,

Так умолять, так спорить,
Не разбирая с кем:
С учителем своим
Или с бесстрастным вестником судьбы?

Он безрассуден.

Он не выучил урок.

Да он и сам ведь в этом признаётся:

«Не покидай,

Повремени!

Я не готов,

Я не готов...»

2. Расставанье

Ворон гасит чёрным своим крылом

Воркованье и плеск голубиной стаи.

Под небом ночным земля просторней, чем днём.

Путь смертной души длинней, чем дорога к раю.

Дым, клубясь, восходит выше огня.

Донный лёд залегает глубже, чем воды.

Расставанье в ладонях единого дня

Вмещает годы – долгие, долгие годы.

3. Послание на песке

Черпать за горстью горсть печаль из океана
И снова проливать, не удержав в руке...

Слова, слова, слова – цепочка птичьей вязи.

Успеешь ли прочесть послание на песке?
Сумеешь ли на миг своё увидеть имя
И в строчках, что к тебе обращены,
Узнать, расшифровать души неровный почерк
До следующей, всё стирающей волны?

4. Прозренье

Откуда эта боль и эта сила —
Полночный сполох, осветивший даль?
Мы – смертные и смертных любим.
Вот в этом вся отвага, вся печаль.

Жаворонок

Стоит ли жаворонку
Обращать внимание
На бескрылое двуногое?

Там, внизу, запрокинув голову,
Оно ловит россыпь трелей,
Называет звук песней,
Поющего – птицей.

Есть ли жаворонку прок в словах,
В которые бескрылое
Облекает память о летящем?

Этими вопросами
Нет нужды отягощаться
Ни поющему,
Ни внимающему.

Если жаворонок —
Не этот, недолговечный,
Заявляющий собратьям:
«Вся земля
Между тремя кочками

Принадлежит мне»,
А тот, который
Просеет себя через сито
Миллионов рождений и смертей, —
Если жаворонок придёт к вопросам
О памяти и о проке,
То к тому времени
Бескрылое двуногое
И всё, что оно помнило,
Будет давно забыто.

Да и в жаворонке от жаворонка
Мало что останется.

Август

Август тихо плачет по ночам.

Днём жара, как прежде, непреклонна,
Сад роскошен, синева бездонна,
А гроза – так молнией с плеча.

Но полночный дождь, прохладный, редкий,
Серебрится на усталых ветках.

Август тихо плачет по ночам.

ЭТИМОЛОГИЯ

*...у развалин, что были домом
Возле устья моей реки...*

Виктор Фет

Яма вместо дома.

Имя на камне.

Горящие головешки,

Горечь дыма...

Горе, горе, горе.

У беды иные родственные слова:

Убедительная победа,

Победители, которых не судят.

Если им горе не беда,

То эти слова становятся

Однокоренными.

Четыре

1

Дрозд – чёрный бутон.
Вот-вот расцветёт песня
На голой ветке.

2

Шмель-укротитель
Влез бесстрашной головой
Прямо в львиный зев.

3

Подморозило.
Кленовый лист под стеклом.
Музейная тишь.

4

Заря над снегом.

Белейшая белизна.
Сколько оттенков!

В траве

В траве золотисто-зелёной
Кузнечики серые сонно
Стрекочут, стрекочут, стрекочут,
Сухим рассыпаются звоном
И слух, усыпляя, щекочут.

В траве золотисто-зелёной
Гудят медоносные пчёлы.
Звук тёплый, густой и тяжёлый —
Невнятный напев монотонный, —
То ближе, то вновь отдаляясь,
Плывёт, над цветами качаясь.

В траве золотисто-зелёной
Чуть движутся лёгкие тени
От облака, полного лени,
Плывущего в сини бездонной.

И спит человек утомлённый
В траве золотисто-зелёной.

Настойка

Каждый вдох – глоток
Терпко-пряной настойки.
Астры. Листья. Дождь.

Утро первого инея

Утро первого инея —
Неземной над землёю покой.

Осеннее солнце так низко,
Что можно коснуться рукой
Остывшей поверхности диска.

Первый снег

...Прежде Евы была Лилит...

Не из глины, не из ребра —

Из рассветного серебра.

Вадим Шефнер

Лыжи, как длинные языки,
Лижут снежный пломбир.
Все печали под снегом спят,
Ясен морозный мир.

Первозданный снежный Эдем
Не знает ни зла, ни добра.
Бежит по рассветному серебру
Лыжница из серебра.

Лес после грозы

Каким чудом уцелела паутина,
Поймавшая рой сверкающих капель, —
Радужная оболочка зрачка,
Парящего в пустоте?

После слепящего взрыва,
После слепого мрака —
Ясный взор в самую глубь
Опалённой молнией чащи.

Эпилог

1

Когда из невода я в воду ускользну,
Когда вернусь в ту безымянную страну,
Где невесомы света колоннады,
Я всё забуду, всё с себя стряхну —
Любовь, и благодарность, и вину,
И жалость, и надежду на награду.

Я никого из вас не помяну.
И значит, поминать меня не надо.

2

Я зеркало разбила, чтоб не смел
Двойник грозить мне смутой самозванства.

Я придушила эхо. И навек
Замолк когда-то дерзкий пересмешник.

Я выжгла тень. Теперь не омрачит

Мне белый свет кривляка-соглядатай.

Отныне я – сама себе владыка
На троне своего небытия.

3

Ещё дрожит в глазах закрытых
Пролёт сожжённого моста,
Но в одночасье позабыта
Связь берегов водой студёной.

Пуст небосвод, и гладь чиста.

Наследство

Нет причины нам делить наследство,
Спорить и искать, кто нас рассудит.
Всякий волен черпать из колодца.
Хватит всем, в нём неба не убудет.

Нет причины мериться печалью:
Кто вернее помнит, горше плачет.
Все мы пьём одни и те же звёзды.
Каждый сам поймёт, что это значит.

Время

Дом. Пламя. Пепел.

Пустошь. Ветер. Дождь. Ростки.

Трава. Забвенье.

Возвращение

1. Человек-амфибия

Человек-амфибия оборачивает время вспять.

Человек-амфибия возвращается в лоно вод.

Отныне бездна станет ему землёй.

Отныне вода заменит ему небесный свод.

Не надо его окликать, жалеть, вспоминать.

У кромки воды оборвалась цепочка слов.

Он сам избрал свободу вместо судьбы,

И он познает мир до рожденья миров.

2. Зодиак

Здесь – свой зодиак.

Разгадывай, звездочёт,

Тайны морских звёзд,

Толкуй жемчужные сны.

Теперь океан – твой дом.

Чудовище

...на песке золотом

Чудо морское с зелёным хвостом...

Юрий Лермонтов

Когда мне почудится
Твой голос,
Когда мне привидится
Движение твоей руки,
Я всплываю
Беззвучно,
Как морское чудовище.

Приникнув к раковинам ушей,
К иллюминаторам своих зрачков,
Я жду...

Но это только вечный шум
Бегущего времени,
Катящиеся валы
Темноты и света.

...Я погружаюсь
В сумрак глубины.
Солёная вода

Смывает маску
Моего лица.

Корнеплод

Среди пёстрой толпы огородной,
Где толстуха рыжая – тыква
Норовит подкатиться поближе
К баклажану, заморскому франту,
Где соседствуют в прямом раздоре
Желчный перец, чеснок-зубоскал
И зарывшийся в грязь старый хрен,
Там растёт потихоньку и репа —
Проницательный овощ-философ.

Сущность жизни – и сладость, и горечь —
Всё впитала она сердцевиной,
Воплотив мирозданье, где корень
Неотделим от плода.

Лукоморье

Где-то там в Дали от Босха
В завтра протекло вчера.

Папа Карло вырезает
Буратино из ребра.

Порождает Афродиту
Первозданный пенопласт.

Спит Снегурочка во гробе —
Хрусталём мерцает наст.

Елисей меж тем вломился
По ошибке в Мавзолей.

В небесах застукал с Девой
Козерога Водолей.

Вий открыл глаза Колумбу,
С Лорелеи сняв парик.

Nevermore! – изрёк из ванны
Архимеду Моби Дик.

Сила искусства

Он прожил жизнь бараном,
Бараном, бараном.
А стал он барабаном,
Служителем искусств.

БУМ!

Бьёт ария фонтаном
Из бюста сопрано.
Но не для барабана
Колоратура чувств.

БУМ!

Выходит бас усатый —
Рокочут раскаты.
Нет, голос в три объёма
Не ценит барабан.

БУМ!

Но тенор, слух лелея,
Овцою заблеет,
И барабан весь млеет,
И вот он вновь баран.

Бе-е-е-е...

Instead of a love poem

English language poems

Instead of a love poem

I do not set my poems to orbit around you.

I carve a long arm out of words

To scratch an unreachable itch.

I force my breath through a broken branch

That is hollow and drilled full of holes.

I cling to the metaphor —

A slender bridge

Above a churning abyss.

What is the need for me

To spell out your name

When my moist whisper

Pours it into your ear?

Why perfume paper with words,

When, thinking “He likes coriander,”

I stretch my hand to the spice rack?

Translating Akhmatova

Her shadow still appears...

Anna Akhmatova

Her world is gone... But in the midnight mirror
Her presence stirs and bends the steady flame.
Her gaze meets mine. My trembling arms reach forward.
How heavy is the mantle of her name!

I sing the soaring spiral of her passion,
Whisper her terror and confess her sin.
My spirit dances, catching like a spindle
The golden thread her phantom fingers spin.

Emily Dickinson's garden, twilight

Miss Dickinson,
Your garden is lovely in the twilight.

The oak tree by your house
Is larger and shadier
Than it was in your day.
Much has changed:
The view from your window,
The world beyond, the language.

Still, the feeling of longing
Remains the same: a long line of silk
That the soul pulls out of itself,
Like a spider spinning her thread in the autumn,
Hoping to catch not food, but the wind,
Hoping to travel far
Without knowing the destination.

«There is a poem that stalks and evades me...»

* * *

There is a poem that stalks and evades me.

I do not know its words, can't remember
Whether I read it a long time ago,
Whether it's me who is trying to write it.
I am not sure what it is about.

I think a wolf might live in it somewhere;
I saw her tracks in the grainy snow.
I nearly glimpsed her face in the shadows
Peering at me from behind the birches.

I hear the burbling of running water
Crisscrossing the silence,
The sudden clatter
Of a woodpecker's exuberant drum roll.
I smell wet bark.
The sap must be rising.

Decay and growth are fermenting together;
It's early spring in a faraway forest.

Do not torment me like this, I beg you!
I am worn out by the chase and the longing
For that spring in that watchful forest;
For that moment when words surrender.

Elephant Shrew

Use what talents you possess; the woods would be very silent if no birds sang there except those that sang best.

Henry Van Dyke

Let me not be abashed by the smallness of my gift.
Let me not be stricken mute by the delight
Of soaring on the wings of a song far greater than mine,
By the breathtaking majesty of the world
Seen from that height.

Should a carver of netsuke despair
After seeing Michelangelo's David?

Should painting Easter eggs be abandoned as worthless craft
Because its materials are ephemeral,
Because its creations
Will never be displayed on velvet
Next to Faberge eggs?

An elephant shrew is needed by the savannah
As she is,
Just as worthy of life as an elephant.

There is no need to judge
What makes them different,
What makes them akin.

«At the first tingling of a poem...»

*These are tricky poems to find; they are the subtle hum
in your notebook....*

Natalie Goldberg

* * *

At the first tingling of a poem,
Pounce upon the sensation.

Scratch it hard,
Like a kid
Absorbed in the first mosquito bite of the season.

Scratch, tear, let it become a frenzy, a fury.
Draw blood.

Do not worry about whether anyone
Will ever read your words.

At this moment,
The universe tastes your salt.

Message

This message
Must cross a great distance,
Take an uncharted path
To reach you.

You and I live
Under different constellations,
My now will be
Your long time ago.

I must be brief.
A handful of lines
Has to encompass
Vast plains
Of smooth moonlit snow,
A river asleep under the ice;
Let you glimpse
The dark window,
The small flame of longing
That dances
With a tendril of its own smoke
For a partner.

And suddenly it is here,
That moment when our hands
Touch for a heartbeat.

The heat of your fingers
Lights a beacon
That will not go out.
My words in your palm
Melt into clear water.

Encounter

*A muscular, thick-pelted woodchuck, created in yield,
in abandon, lifts onto his haunches.*

...

*In Russian, the translator told me, there is no word
for "thirsty"...*

Jane Hirshfield

I watch the thick-pelted woodchuck
Waddle across the poem.

Alert, yet oblivious to the attention
Of both the poet and the reader,
He pauses, lifts onto his haunches
Then plunges into a thicket of ferns,
Vanishing into a space that opens
Beyond the boundaries of words.

The stream that flows across the line-breaks
Has its wellspring in that same landscape.

Mirrored in the rippling water
I glimpse a face that seems oddly familiar.
Perhaps it is my own reflection.
But it breaks up and disappears

Too quickly for me to know for sure.

How unreachable and alluring
Is that world of mysterious beings.

The woodchuck's fur is stippled with starlight,
The unnamed translator's face is serene.

Surely, she knows what I can utter
Only as a hesitant question:
“Is the difference between our worlds
In the direction of the gaze?”

Reading “A Day Comes”

*A day comes
when the mouth grows tired
of saying “I”.*

*Yet it is occupied
still by a self that must speak*

Jane Hirshfield

I wish it were I
Who wrote this poem:
Spare
Like a Japanese long sword.
Centered.
True to its reason for being.

But somebody else
Crafted and honed it.

Can I make it my own?
I would write a translation!

But try as I might,
I am unable
To reforge this poem

In another language.
I find that its strength
Cannot be extricated
From the words it is made of,
From their multiple meanings
Folding and melding
Across the lines.

I will seize this poem,
I will learn it by heart,
Enlighten my listeners
As I recite it,
Cut through the ignorance
Of my opponents.

But what really happens
Is that the poem,
True to its purpose,
Slices deeply
Into my own
Self.

I gasp,
Laugh ruefully,
Watch the blood
Well up and run freely.

The Keeper of the Keys

I am the Keeper of the Keys. I am the one who unlocks and locks the portals of all the worlds, greets everyone who enters, and wishes good fortune to everyone who leaves.

Yes, you have been here; you have met me before, and more than once. That's how I know your name and remember that you like lemon balm tea with a touch of clover honey. You yourself are the one who told me your story – the story of your city, Naori-Laaren – the reason why you are looking for the fugitive Alalli. If you survive your next journey, if you are able to come back, we will see each other again, and I will be glad.

Of course not! I practice no dark magic, no magic of any kind. But when you are not here, when you are in one of the worlds where your fate unfolds, I do not exist in your time and space, so there is no one to remember. Then, I am merely an image from a dream, a nameless feeling that arises within you when you smell lemon balm and clover honey.

I am sorry to deny your plea. But no, I will not do this. The Keeper of the Keys may not detain or mislead anyone, may not pass any message from one traveler to another.

Now you speak in frustration, in anger. But deep inside yourself you know that your words are unjust. I do believe you, and I do understand what will befall your city, if you fail in your errand. Pain and destruction, no matter where they strike, do

grieve me. But the one who is entrusted with the keys may not cross the threshold in word or deed without breaking the laws that make it possible to unlock and to lock. The Keeper of the Keys must open each door when the time comes. It is my duty to greet equally everyone who enters and with the same blessing bid farewell to everyone when they go. I must leave each traveler, each world to their own fate.

Indeed. So it is.

No, no; not all alone. My predecessors and their predecessors are all here. Some are memories preserved in the words that I read, in the shapes of the stone arches, the layout of the gardens. Some are living presences who still teach me and care for me, and who need my care. The ones who will be the Keepers after me, they are also here – growing and learning. And, of course, there are the travelers. Some, like you, pause in this space between the closing of one door and the opening of another; notice me, stay to have a cup of tea. They tell me what they have seen and done, what drives them to travel, what torments them or gives them joy.

You are welcome to stay as long as you wish. Outside the portals, the time you spend here is not marked on any calendars, not measured by any clocks.

Yes, certainly. Follow me.

I am glad you think so. Perhaps you feel that way here because a little bit of this garden is in your cup each time we have tea together. The beehives are on that hill. The white clover in the grass is like a dusting of snow. There, by the brook, is the

lemon balm. Lemon balm loves moist soil; clover thrives in bright sunlight.

Ah, yes. This is the peak season for peonies. These wine-colored ones are my favorites. That windchime was made by my late great-grand predecessor. She was a true master. This one I am still working on: I feel some tone is missing when it harmonizes with a soft rain. But on a sunny day like today, it does sound quite complete, doesn't it?

You are right: in my realms, no keys are necessary. All the doors open freely at any time.

But we are not dressed for the weather that is likely to greet us behind the next door. So, let us just peek in.

Good, the snow storm passed at last. You know, one traveler taught me an expression in his language for this kind of darkness and silence: "You can hear every constellation."

Well, that is a different realm, so why should it have the same time of day, or season of the year as this one?

Depends on what you mean by real. You have told me that the flavor of the honey that the bees gather in the garden here is as intense, as the honey that is brought to the River Market from the upland farms.

Take care, do not wade in too deeply: the bite of the frost you feel on your face is a warning that you should take seriously. If we were to go out there and let the winter embrace us, we really would freeze to death. At dawn, real ravens would feast upon our carcasses. We would become part of the forest. Then you would

not return to the bell towers and the hanging bridges of Naori-Laaren, that you have told me so much about. No Keeper of the Keys has ever allowed such a thing to happen to a traveler. So let us shut the door and turn our faces to the sunlight on this side.

No, these realms are not a world, but a crossroads between worlds.

The difference is in the meaning of the line that is the horizon. A world has no end, it is round, and its orbit is round. The horizon is an illusion in a world. You can keep going cycle after cycle, you can believe that after each death there is a rebirth. But no matter where I go here, even when I do not see the boundaries, the walls, I know they exist. Even when my hearing is filled with the roar of a storm, with the clamor of birds, with the music of windchimes, I am still on duty. I must be able to hear the footsteps approaching one of the portals. I can never be far away from the key rack. I must turn the key in time for the traveler's arrival.

I know that you offer out of kindness, so I am grateful. But this is my post, and I must stay here.

I see no reason to debate whether love is the price of freedom, freedom the price of love, or the two are one and the same. Some would tell you that there is just one answer to this question. Some say that existence cradles myriads of worlds, so that every answer gets lived out in full. It is not for me to choose one belief or another. I must turn the key and open the door to each seeker, each traveler on their path.

Am I happy? Content? Longing? Afraid? Angry? Grateful?

Well, I can ask you the same about your own life.

Yours is a wise reply. In my life, too, there is a time and a reason for each of these feelings. Being the Keeper of the Keys is a path. It is distinct from all other paths, yet bound up with each of them. In that sense, it is not different from any other.

You are not the first to ask why. I have no answer. I hear that the gods of each world would have the people believe that there is a 'why'. They proclaim that there is a goal for every path they set, a benevolent reason for every fate they ordain, a justification for every curse and every blessing they bestow. But if they had to stand in front of someone who would weigh the reasons they give; if someone could judge the gods to be right or wrong, truthful or deceitful, mad or sane, then the gods would no longer be gods, would they?

Око и окно

Стихи на русском языке

Око и окно

Вячеславу Лейкину

Нет, не пробоина, а око и окно,
Распахнутые в тайный мир печали,
Где стаи звёзд гуляют в глубине
И даль любая – лишь преддверье дали.

Теперь спеши мгновение поймать —
На холст, на лист, на белизну экрана.
Прекрасна восходящая душа
В зиянии своей смертельной раны.

Зависть Сальери

Зависть Сальери – ноющая боль
В отрезанной конечности.

Всю ночь
Душа по дому бродит взад-вперёд,
Кульяпки крыльев задевают мебель.

А ведь почти что повезло: ещё чуть-чуть —
И тоже был бы гением, как тот.
Как тот!

Или в другую сторону немного —
И был бы как все те, что спят ночами,
Рыгают кислым пивом.
Им плевать
На тонконогих психов-скрипачей.

Но нет!
Скребёт беспомощно перо, и полукрылья
Кончаются внезапной пустотой.

...А что касается отравы в чаше дружбы,
Так это помогает только раз —

Убийство гения, как всякую идею,
Вторичность превращает в плагиат.

Ненаписанные стихи

Словно рыбы в подземном потоке,
Настороженны, слепы, тихи,
Проплывают в моём подсознании
Ненаписанные стихи.

Ощущают чутьём незрячим,
Где быстрины, где острова,
Жадно ловят круглыми ртами
Затерявшиеся слова.

Берегут полужизнь в надежде
Выплыть в жизнь и не знают, что течь
Будут воды подспудно до устья,
Где вливается в Лету речь.

«Слова, слова, слова...»

* * *

Слова, слова, слова —
Основа и канва,
Слоны и черепахи,
Свод арки над водой,
Клокочущей во мраке...

Невидимой руки
К руке прикосновенье,
Надежда стать собой
Хотя бы на мгновенье.

Антология

Лепрозорий, кунсткамера, оранжерея,
Где цветут напоказ наши язвы печали.
Здесь храним мы в слепых зеркалах отраженья
Тех, кем стать не смогли, тех, кем быть перестали.

Планетарий, музей, где мы все – экспонаты,
Каждый полон значением собственной тайны,
И тоской по разгадке, и надеждой напрасной,
Что вот-вот забредёт посетитель случайный.

Птица

Как птица в клетке начинает петь?

Вначале кажется —

Не выжить ей в неволе:

Кричит, и мечется, и разбивает в кровь

О прутья грудь, не замечая боли.

Но перьями железо не возьмёшь,

И птица, осознав своё бессилье,

Сдаётся, замолкает наконец

И складывает встрёпанные крылья.

Забившись в угол, много дней сидит,

Нахохлившись, в немом оцепененье,

И только голос иногда подаст во сне —

Так, жалкое чириканье, не пенье.

Чирикнет – вслушается.

Свистнет – и замрёт.

А всё же как-то легче плен терпеть,

Когда хоть свой живой услышишь голос...

Так птица в клетке начинает петь.

И постепенно громче и сильней,
Закрыв глаза, забыв про всё на свете,
Она поёт... и песнею своей
Свободных птиц заманивает в сети.

Стекло

Тате Гаенко

Я не верю в Бога твоего.

Я не слышу голоса Его.

Но глядит стихов твоих окно

В мир, где всё Ему посвящено.

И прижавшись к светлому стеклу,

Я шепчу Ему твою хвалу.

Зеркало

Просить у музыки дельного совета —
Вершина безрассудства. Засмеёт,
Умчится, не дослушав, наградит
Потоком чепухи косноязычной.

Она таких, как ты, гуртом пасёт.
Тебе, как мелкой сошке, неприлично
К ней приставать с вопросами.

К тому же,
Сама ведь знаешь,
Может выйти хуже:
Возьмёт и вспомнит.

Через десять лет,
Когда всё безвозвратно решено
И сделано, вдруг даст прямой ответ
И в пропасть настезь распахнёт окно.

В гостях

Л. В. Зубовой

Мне ночь была дарована под кровом,
Где дымный воздух пропитался словом
И книги вверх уходят этажами.

Я угадала там, за стеллажами,
Проёмы, своды, дверцы, тайники.
Всю ночь по дому шелестели шепотки,
В мой сон вплетая нити сновидений.
Мои ресницы задевали тени
Свечи, сокрытой ширмою руки.

Была я гостьей поздней и случайной,
А потому квартиры этой тайны —
Не мой удел. Я ни единый миг
Из ночи той не посягну присвоить,
Ни строчки, там услышанной, раздвоить
Переложением на мой дневной язык.

Зодиак

Под словами, под немотой —
Пласт иной, безымянный и тайный.
В нём пространства и времени нет.
В нём лишь россыпь созвучий случайных
Вдруг слагается в зодиак,
В звёздный рой негасимого света,
В хоровод, что струится вокруг
Погружённой в сумрак планеты.

«Как это редко – свист незримых крыльев...»

* * *

Как это редко – свист незримых крыльев,
Неотвратимо нарастает гул копыт,
Над чёрной пропастью безумствует стихия,
Метель созвездий хлещет и слепит.

Неудержимо, страшно, безоглядно,
Вцепившись в гриву, наугад, лицом прижат...
И как потом опять желаешь жадно.
И руки, как у пьяницы, дрожат.

Слово

Соль моря, пересохшего давно,
Слияния солёный, жаркий пот,
Кровь, проступающая грозно сквозь бинты,
Июльский мёд, сочащийся из сот,

Вершины горной осиянный снег,
Провала чёрного неведомое дно —
Всё в мире создано из слова, всё в него
Вливается, всё в нём заключено.

Форель

Теперь уж не успеть ни то, ни это.
С фантазий тайных о судьбе поэта,
Провидца – лавры на челе, стило в руке —
Стекают, тая, радужные краски,
Как с пойманной форели на песке.

Без помыслов о будущем на волю
Пускай богатства скудные свои:
Пригоршню слов,
Щепотку звёздной соли,
Серебряную россыпь чешуи.

Учебное пособие

1. Ямб и верлибр

Мой резвый стих свалился в ямб,
И с тех пор бедняга стал неисправимым верлибром.

2. Хорей

Хорь в курятнике! Скорее
Вон гони его хореем!

3. Дактиль

Дактили, дактили, дактили —
Дятел стучит по стволу.
Дактили, дактили, дактили —
Маюсь мигренью в углу.

4. Амфибрахий

Ты что в покаянной рубахе
Ползёшь, завывая, во прахе?

Я слышал ужасные слухи —
К нам грозный грядёт амфибрахий!

Оставь неразумные страхи.
Не так уж он плох, амфибрахий.

5. Анапест

Наш бульдог по прозванию Анапест
Неказист, невелик, но нахрапист.
Пса любого завидев, стремглав
Мчится в бой: «Гав, гав, ГАВ! Гав, гав, ГАВ!»

Полнолуние

*Вот каковы бывают наши сны —
причудливы, как ростись на эмали,
они всегда, с какой бы стороны
от полнолуния мы ни задремали...*

Нина Савушкина

В полнолуние берегись зеркал.
В них – луны запретная изнанка,
Колдовская, ртутная приманка,
Бесноватой красоты оскал.

В полнолуние не гляди на тень
Гномона. Ползёт она, подвластна
Демонам. И, разуму опасна,
Призрачный отсчитывает день.

В полнолуние лист бумаги – ложь.
К белизне коварного покрова
Прикоснись лишь, и такое слово
Вспыхнет вдруг – вовек не зачеркнёшь!

«Трава полегла безвольно...»

* * *

Трава полегла безвольно,
Ей мёрзнуть теперь не больно.
Желание жить усмиряет
Прозрачный осенний эфир.

Как капля на паутине,
В гранёной безоблачной сини
Душа на ниточке слова
Дрожит, отражая мир.

Сон

Язычки свечей жадно лакают темноту, но она не убывает, а лишь колыхается, бежит волнами теней. Я не знаю, что за существо сидит у стола, склонившись над белым свитком: то ли согбенная седая женщина в чёрном плаще, то ли огромная птица с чёрными крыльями, сложенными за спиной, с головой, покрытой серебристыми перьями. Но ведь во сне такая неопределённость не вызывает никакого удивления, не мешает видеть главное.

В тишине я наблюдаю, как жёлтые пальцы иссохшей руки или, быть может, когтистой лапы выхватывают откуда-то из теней то одну, то другую кисточку и без колебаний окунают её в нужную краску. Матовый плотный шёлк свитка испещрён значками. Это, видимо, иероглифы какого-то неизвестного мне языка. Они перемежаются с картинками-миниатюрами. В то время как я рассматриваю манускрипт, на белой поверхности возникает новый абрис, его заполняют краски. Э-э-э, да ведь на этой картинке запечатлено то, что я вижу вот сейчас: стол, свечи, свиток, тёмная фигура, склонившая взъерошенную седую голову над своей работой.

Огоньки нарисованных свечек и локоны дымка над ними удлинятся, истончатся. Свиток начинает раскручиваться. Две паутинные линии – оранжево-жёлтая и сизая, – повинуются лёгким движениям кисточек, появляются и бегут по ис-

пещрённому символами и картинками белому шёлку назад, назад, назад, то прямо и параллельно, а то свиваясь. Порой одна или другая нить высылаёт усики и, как гороховый стебель, цепляется за какой-то ранее нарисованный образ, находя в нём то сходный цвет, а то контрастный.

И вот свиток развёрнут почти до самого начала. Сизая линия обвивается вокруг очертаний сизых птиц, огненная находит отражение в их круглых оранжевых глазах. Я вижу стаю голубей. Птицы толпятся на булыжной мостовой, клюют крошки. Сценка становится трёхмерной, приходит в движение, заполняет не только моё зрение, но и все другие чувства. За ворот мне ползёт холодок, а лицу тепло от мартовского солнца. Слышно воркование и плеск крыльев. Некоторые птицы, насытившись, важно ходят, кланяются, заигрывают друг с другом в преддверии весны. Одни члены стаи улетають, а на их место приземляются новые, голодные. Среди неторопливых голубей шныряют воробьи, они ловко выхватывают крошки. Всё происходит на небольшой площадке у моста через канал. Внизу, на сияющей воде, качаются льдины.

Кормят птиц старушки. Впрочем, нет, не только старушки. Вот и совсем маленькая девочка в синем пальто. Её бабушка даёт ей кулёк с крошками, показывает, как бросать птицам корм, учит: «Ты им скажи: гуля-гуля. Голуби любят, когда их так подзывают: иди сюда, гуля-гуля, гуля-гуля. И воробушкам тоже кинь». Девочка разбрасывает крошки,

повторяет: «Иди сюда, гуля-гуля». Потом вдруг добавляет: «Гуля-гуля... бабуля...» – и смеётся.

Я знаю, почему она смеётся, я помню эту радость, почти невыносимо щекочущую изнутри. Ведь девочка с кульком – я, это меня бабушка привела кормить птиц. В тот день я впервые прикоснулась к тайным нитям, связывающим мир в одно целое, почувствовала бегущие по ним сигналы. Воркование голубей созвучно и обращению к птицам – «гуля-гуля», и ласковому слову «бабуля». Голуби кажутся ожившими двойниками лоснящихся серых булыжников, отполированных бесчисленными шагами. В карих глазах бабушки играют отражения бликов, бегущих по тёмной воде канала. Седые волосы шевелит тот же ветерок, который колышет серо-белые льдины. Крошки мы несколько дней собирали из хлебницы, и я знаю, каков на вкус корм для птиц, я сама ела такой же хлеб: и белый, и чёрный, и самый вкусный – душистый бородинский.

Между тем краска на шёлке подсохла, и быстрые пальцы начинают сворачивать свиток. Теперь, вглядываясь в мелькающие символы и картинки, я узнаю запечатлённые в них события, я понимаю, что это летопись моей жизни.

Порой целый ключевой этап моей биографии умещается в одном образе. Вот картинка, обозначающая эмиграцию: молодое яблонево дерево срублено почти под корень. Упругие ветки топорщатся, тщетно пытаясь приподнять с земли поверженный ствол. Оставшийся от дерева пенёк расщеп-

лён, в него вживлён тоненький черенок новой судьбы. Холщовая повязка, прикрывающая стык между корнями подвоя и привитой верхушкой, окрашена алой киноварью.

Зато какой-то вроде бы незначительный, полузабытый момент из прошлого вдруг распахивается во всю ширь свитка. Вот давняя лыжная прогулка. Лыжня проложена вдоль замёрзшей, укрытой снегом реки. Она хорошо накатана и словно бы сама атласно стелется под ноги. Вечереет, нужно торопиться домой, но я замедляю бег. Синева неба быстро сгущается; индиго усыпано серебром. Одна звезда дрожит в чёрной воде последней полыньи, ещё не захваченной зимним сном.

А вот сад, протягивающий мне ветви, усыпанные тёмно-красными плодами. Это яблоки сорта «эмпайр», выведенного здесь, на севере штата Нью-Йорк. Воздух под деревьями звенит и сверкает слюдой бесчисленных крыльев – над паданцами вьются осы. Я вдыхаю пьянящую смесь спелости и брожения. Плод, прогретый погожим сентябрьским полднем, отягощает мою ладонь. Даже сейчас, глядя на нарисованное яблоко, я ощущаю, как хрустит его терпкая кожица, как кисло-сладкий сок наполняет мой рот. Я жмурюсь от удовольствия.

Лапы-руки продолжают сматывать свиток. Лица, точно схваченные жесты... Я вглядываюсь: родные, друзья, учителя. Вот лица, которые окружают меня в моей сегодняшней жизни, только они моложе, моложе себя самих, моложе ме-

ня. Вот и те, кого я так долго не видела. Иных уже нет в живых. А некоторых людей, запечатлённых на свитке, я напрочь забыла. Свет свечей падает на их образы, в них вспыхивает что-то пронзительно знакомое. Где они, каковы их судьбы, что нас связывало? Теперь уж не смогу узнать: я не успеваю нашарить в памяти, как их зовут, кто они, прежде чем они исчезают.

Тут и там из-за символов главного повествования вдруг выглядывают какие-то диковинные существа, вырастают лозы сказочных растений, распахиваются ворота в воображённые города. Но большая часть манускрипта – это просто хроника моей жизни, со всей её обыденностью и суетой, с её большими и малыми радостями и потерями. И мои промахи, глупости, проступки – все они тоже тут, никак от них не откажешься, ничем их не замажешь. Однако вот что странно: даже самые неинтересные и неприглядные моменты моей биографии выписаны с той же трудоёмкой тщательностью, на том же плотном шёлке, теми же колонковыми кисточками, что и лица самых дорогих мне людей, символы самых памятных событий.

Наконец свиток снова свёрнут до нынешнего момента. Мне хочется узнать: как много осталось ещё незаполненного шёлка, сколько ещё места понадобится для хроники моей жизни? Но я не решаюсь приблизиться к склонившейся над работой фигуре у стола. Не то чтобы я её боюсь, но я испытываю почтение к ней, к её сосредоточенному труду. Мне

кажется неуместным вторгнуться в её пространство. Встав на цыпочки, я пытаюсь заглянуть из-за её плеча. Свешивающийся со стола шёлк теряется в движении теней, и мне не удаётся узнать, достаёт ли он до пола, продолжается ли он во мраке под столом.

Моё движение не остаётся незамеченным. Мелькают кисточки, и появляется новая картинка – белка высовывает из дупла свою неугомонно-любопытную мордочку. Тончайший белый мазок ложится на чёрный кружок, и глаз зверька становится выпуклым, влажным, зрячим. Как искусен мой летописец! И тут у меня возникает череда совсем иных вопросов. Зачем этот мастер прилагает столько усилий, с таким тщанием выписывает всё, что происходит со мной? Я же не пророк, не властитель судеб, не герой, не гений. Я – обычный человек с обычной судьбой. А может быть, летописец за столом сидит там против своей воли? Кто и зачем навязал ему эту несообразную его мастерству работу? Может быть, роль моего биографа – это повинность, даже наказание? Мне становится жалко эту согбенную старую женщину, эту заточённую в четырёх стенах птицу.

На шёлковой поверхности возникает образ моей жалости: ладони, сложенные ковшиком, наполненные прозрачной водой. В следующий миг колонковая кисточка лёгким движением стряхивает на белизну россыпь мельчайших золотых брызг – летописец смеётся. Скрюченные пальцы летают между светом и тенью, вытягивая из небытия, как паути-

ну, штрих за штрихом: ультрамарин, изумрудная зелень, охра, жжёная слоновая кость. Чёрная птица, раскинув крылья, парит над лунной рекой. Старая женщина в чёрном плаще стоит на круче и смотрит из-под руки на снежные вершины, осиянные восходящим солнцем. . . И я вдруг осознаю, сколько незаполненного пространства между значками на шёлке, сколько там свободы и неизведанности.

«Ещё, ещё, покажи мне ещё!» Не сдержавшись, я нарушаю тишину скриптория и сконфуженно замолкаю. В ответ на шёлк прыскает новая россыпь золотых искр смеха. Моя просьба виднеется в центре этого мерцающего облачка – это жадно открытый клюв птенца. Тут мне самой становится смешно: какой же я птенец? У меня уж не первый год голова седеет. А острие кисточки снова очерчивает, выделяет ярко-жёлтым уголки клюва: ну да, седеешь, а всё птенец – желторотый, ненасытный птенец.

Пламя свечей пригибается, дрожит. Сквозняк обдаёт холодом мою спину: позади меня открывается дверь. Я знаю: это миг расставания. «Нет! Нет! Я хочу понять! Скажи мне своё имя! Покажи мне своё лицо! Я не хочу забыть. . .» Мой крик протеста, моя мольба проваливаются в тишину. Седая голова всё так же безмолвно склоняется над своей работой. Но прежде чем исчезают свечи, свиток и сгорбленная крылатая фигура, летописец успевает нанести на шёлк, а я успеваю поймать взглядом ещё одну картинку: прямоугольник розового золота и на нём сизое кружево – силуэт сосновой ветки.

Медленно, неохотно я открываю глаза. На противоположной стене спальни я впервые вижу, по-настоящему вижу то, что появляется на её белой поверхности каждым солнечным утром: прямоугольник света занимающейся зари и скользящая по нему тень сосновой ветки, которую за окном колышет ветер.

River

English language poems

Good fortune

1. In Zoar

*The sun was risen upon the earth when
Lot entered into Zoar. ...
But his wife looked back from
behind him, and she became a pillar of salt.*

Genesis

If you have ever been a refugee,

Even if decades have gone by,

Even if now

You are grateful

For your good fortune,

For your settled life

Under Zoar's sunny skies,

You do not let yourself
Go soft.

You do not lose the skill
Of packing swiftly, with precision.

You do not trust the luxury
Of carrying anything
That's not essential
To making it
Out...
Across...
Into a new land.

You do not forget the story of Lot's wife.
You heed its warning:
Do not look back,
Do not allow your gaze to stray
To what you had to leave behind.

If you stumble upon

A Google Earth view
Of a courtyard
Shaded by two old trees,

*There were twin maples.
In autumn
One would drop crimson leaves,
The other – lemon-yellow.*

A photograph of a family celebration,

*An impish, tousled child
Stands on the lap of an indulgent aunt
To pick a pastry from a platter:
Layers of creamy filling
Billowing between layers
Of flaky crumbs.*

You do not say a word.

Your face impassive,
You stare straight ahead,
Rigid as a pillar of salt.

2. Survivor guilt

Paradoxically, the phenomenon is rarely defined and often poorly described.

Hutson, Hall & West, “Survivor Guilt: Analyzing the Concept and Its Contexts”, Advances in nursing science

(2015).

One was destroyed.

Another – left alive
And whole enough
To heal, even to thrive.

What, for lack of a better word,
Gets called “survivor guilt”,
Is not.

It is a feeling that’s not built
Upon a solid foundation
Of cause and effect:
“You acted wrongly;
Wrongly failed to act;
You won by cheating
In some vital contest.”

It is a phantom pain,
The non-existence of a contrast,
The absence of a difference
(Be it of substance or of context)
That would be relevant and plain,

That would, failing to justify,
At least explain....

3. Two turns of fate

*...Your huddled masses yearning to breathe free,
The wretched refuse of your teeming shore.
Emma Lazarus, "The New Colossus"*

If you have never been a refugee

Do not say:

"I would not have been able to..."

Even if you mean it

To express admiration.

A refugee is not made

Of sterner stuff

Than your own

Soft, vulnerable core.

A refugee is you yourself,

Two turns of fate away

From where you are

Now.

Ghost

Sometimes, at night, I'm visited by a ghost
Of my own self, but from a past existence.
I don't feel frightened – after all, she's me.
I watch her move and hover in the distance.

I think she's curious about my present life.
She pauses by the shelves and long she looks
At pictures of new friends and those she knew,
At souvenirs of travels, at my books.

At last she turns and glances at my bed,
And then at me.
I do not see a trace
Of anger, accusation or contempt
Upon her face – my own younger face.

I almost can believe that she forgave
This life that I have built above her grave.

Night

Triptych

1. Memory

A midnight voice —
A shard of ice
That would not melt
And would not yield.

A brand, a scar that would not fade.
A whetstone keeping sharp the blade
That, poised to heed the sudden call,
Presses its edge against my soul.

2. Motion

The whistle of a faraway train
Blows and blows in the winter night,
Singing a wild song of speed and distance,
Of the relentless motion of a beam of light
Slicing through the darkness,
Of a darkness that you cannot outrun
Even at the speed of light.

3. Rest

Black sky.

Silver sliver.

Soft air.

Wind-shiver.

Sleeping banks.

Wakeful river.

Still rock.

Skipping stone.

By myself.

Not alone.

Matryoshka Dolls

Our silences
Stack one inside another
Like matryoshka dolls.
Yesterday's unsaid words
Fit into the hollows
Of today's evasions.
And they, in turn,
Will fill tomorrow's shell.

Day after day,
The lacquered face
Appears the same —
Round, rosy-cheeked
And smiling brightly.

Yet larger,
Each time larger
Than before.

Song of Paradise

It has no name, this enchanted land.
At the edge of pale water on the silver sand
My feet do not leave any traces.

The river current runs cold and deep.
On the mirrored surface white lilies sleep.
My eyes meet no reflection.

Eternal spring blooms on silent trees,
Amber honey is studded with golden bees.
I feel neither sting nor sweetness.

Bronze lions with eyes made of emerald glass
Rest with marble lambs in the sunlit grass.
I pass like a shadow between them

Family Tree

My family tree has been replanted
Too many times.

The bark is thick with scars
From all the truths professed, attacked, recanted,
The proclamations nailed to our limbs,
The warring symbols carved
Into our living hides.

Too many times
We have been broken jagged,
Swept by floods,
Then worn back down to smoothness
By the tides
Of moon-mad salt and blood.
Too many times, too many times.
Too many times.

Places

Triptych

1. Birthplace

St Petersburg, Russia

This is not nostalgia.
My home is here, not there.
It is just that I was born in that city.

My memory still flows
Through the river delta
Where the sky is mirrored
Within the slow streams.
There is no line that separates
Below from above —
All is one shimmering whole.

In the opalescent air of white nights
The bridges open
To let tall ships come in.
Tall ships —
The welded steel of my own time,

The ghostly planks and sailcloth
Of distant centuries —
Glide past the curving granite
Of the embankments.

The bridges raise
The fretwork of their railings.
Their black gossamer wings
Hover above the water.

This is not nostalgia.
My home is here, not there.
It is just that I was born in that city.

The memory of my first breath
Stays synchronized
With the moving wings of iron butterflies.
The memory of my first heartbeat
Echoes the wake
That laps against the sinuous granite.

2. Hometown

Madison, New Jersey

Suburban New Jersey. A small town. Home.

A delightful place, if you know how to delight
In the shade of majestic old beech trees;
In the glistening colors, the rainbow of flavors
Of the tomatoes, eggplants and apples
Filling the bins of the farmer's market each Thursday;
In the September ritual:
Broods of wide-eyed freshmen
From a nearby campus,
Led along Main Street by the mavens,
Their resident advisors,
Who point out the town attractions.
The ice-cream shop – great milk shakes!
The train station – get to New York City in under an hour!

Suburban New Jersey. A small town. Home.

An enchanting place, if you are willing to be enchanted
By a secret sorcerer, an anonymous artist,
Who casts a spell over plain small stones:
Paints them with bright colors;
Adorns them with glitter, flowers and sweet sayings;
Leaves them half-hidden
Nestled in the grass,
Cradled by the tree roots.

Come, let us walk together.
Let us keep our eyes open,
Ready to make the acquaintance
Of these stone changelings.
Let us take in the quiet magic
That makes them possible.

3. No-place

There is no place like home.
There is no place.
There is no-place.
There is.
There.

Logins and passwords

Some travel on three legs as swiftly as four.
Jane Hirshfield

Being bilingual comes in handy
In thinking up logins and passwords.
Booby-trapping an electronic doorway:
Setting up a joke in one language
And delivering the punchline in another;
Barring the entrance with a question
That cannot be answered, but can be translated.

Having died in one language,
Having been reborn in another,
I keep a handful of verbal shrapnel
To remind me of that passage,
Jingling my old nicknames
Like change in my pocket,
Using the razor-edged shards as tools
To help me get through everyday tasks.

Reading “Tell Me Something Good”

*I know I get overindulgent in my immigration stories
sometimes
Tamara Zbrizher*

With the divining rod of your poems
you are seeking the source
of that something good
you thirst for.

A man?
A god?
God?
Your muse?
Yourself.

Helping your search,
granting your wish
is not in my power —
I am an outsider,
a reader, a listener.

The course of my fate
has no confluence with yours,
though they share

a long-lost wellspring.

Your words float
on the current of my thought.
They sink into me, slowly, deeply.

The black pupils of a river
watch the night.

I left that river far behind.

I never left that river.

The water reflects constellations
Sometimes smoothly,
Sometimes rippling, eddying
Stirred by a living creature
That moves just under the surface.

Bridge

Time has carried me far away
From the city where I was born.

Memories overlap,
Events are blurred into stories,
Names drift into oblivion.

A single image remains
Clear and ever-present:

A bridge spans a broad river.
The latticed arches sweep up,
Then curve gracefully
To touch their own reflections,
Like the wings of a bird
Taking flight.

Learning English

Dislocation of habits and views. Culture shock.
Mind inflamed by confusion.
The doctors take one look at me
And order a language transfusion.

First, they tried intravenous TV,
But I had an allergic reaction.
So, they switched me to nursery rhymes,
Grammar textbooks, and classroom instruction.

There was hope: I began to respond.
In a month, my condition was stable.
I could say “How are you?”, “Goodbye”,
Even name a few things on the table.

After that my recovery was
Just a matter of time and good care.
Yet my grammar and accent were scarred,
So sometimes when I spoke, people stared.

Now I've healed. I am as good as new.
Or almost. Sometimes when it rains,
My past tenses tense up and they ache

With the memory of their past pains.

Raising a toast

It took a long while to fully taste
The sweetness, the bitterness
Of the country that welcomed me,
Healed me with freedom,
Nourished me with opportunity,
Flung wide open doors to the future.

But I can no longer deny:
Here, too, brutality partners with fear;
Here and now they brew their recipe —
The same acrid hooch that intoxicated
My distant birthplace.

Wonder, tenderness, celebration
Are laced with that familiar poison.

So what do I do with my gratitude,
With its sweetness that spills over the brim?

Pour enough of it out to make room
For the bitterness, the sorrow,
The shame of witnessing
What is being done to “them”

In the name of “us”?

Or do I keep the bile
In a different container
From the honey?

How do I raise my toast?
How do I drink it?
A sip from this cup, a sip from that one?
Or do I take it in together:
The nectar and the venom?

Переправа

Стихи на русском языке

Переправа

Мне столько раз приходилось с тобой расставаться,
Сколько за жизнь выпадает прощаться с собою —
С верой своей и неверием, страхом, надеждой,
С обликом в зеркале, с домом, прозванием, судьбою.

Сколько за долгую жизнь переправ происходит,
Где понимаешь, что нет без потери свободы.
И каждый раз – вброд и вплавь через новую реку,
Дальше и дальше сквозь быстро бегущую воду.

1978, 2014

1. Птицы

Неперелётным птицам настало время
Скитаться, искать наугад себе небо иное.
Позади бесноватое пляшет пламя,
Гарь и метель ослепили небо родное.

Над чёрными льдами скользят крылатые тени.
К испепелённым гнёздам им не возвратиться.
Прочь от горящих лесов, от зимы безвесенней
Улетают неперелётные птицы.

2. Снег

Теперь уже можно – оглянись, погляди:
Твой город сгорел дотла, и сама ты – прах.
Боль не застынет солью в бесплотной груди,
Над голосом безгортанным не властен страх.

Отсюда, сверху, видно, как валится снег
На остывающее пепелище судьбы.
Отсюда и Бога, и весь его огненный гнев,

Пожалуй, сумеешь простить, отпустить, забыть.

Март 2014

Когда весна, захлебнувшись, уходит под лёд,
Равноденствие, сбившись с орбиты, летит во мрак,
То разум, зажмурясь, твердит, что зрение врёт,
А сердце перечит слуху: «Не может быть так!»

И только душе предначертано ведать и бдеть;
Что было, что есть и что будет, в слово облечь;
Замёрзшую птицу пытаться дыханьем согреть
И хрупкий подснежник хоть в памяти, но уберечь.

Дом

Этот дом отдал другому
Адрес свой, своих жильцов.
Пустотой стропила крыты,
Мох взползает на крыльцо.

Настежь дверь на ржавых петлях —
Нет нужды хранить ключи.
Вольный ветер. Свет созвездий.
Эхо дальнее в ночи.

Мозаика

Я вернулся в мой город...
Осип Мандельштам

1. Ложь

Не прикоснись, не растревожь,
Не дай в сознание просочиться —
Огни русалочьей столицы,
Чугунной паутины дрожь,
Гранит, колеблемый дождём,
И дом, несбывшийся мой дом...

Всё это ложь! Не смей мне сниться.

2. Призрак

Всплески крыльев голубиных
Будят отзвук колокольный.
Золотая каравелла
Затерялась в облаках.

Доведётся ли вернуться
Мне в гранитные объятия,

В город дыма и тумана,
Зыбких замков на песках,

В город ангелов и сфинксов,
Где мосты уходят в небо
И дрожат в полночных реках
Фонари, как жемчуга,

Где двойник мой заблудился
В переулках зазеркалья,
Где мой призрак греет руки
У чужого очага?

3. Лета

Вернуться – поверить,
Разлуку в слезах потопить,
Из прошлого выкинуть
Дни, неугодные сердцу,
И в клетке грудной
Распахнуть заржавевшую дверцу...

Спуститься к реке
И летейской водицы испить.

4. Мозаика

Пришло время сложить мозаику из черепков и осколков.
Названия вод очерчивают абрис —
Нева, Фонтанка, канал Грибоедова, Мойка.

Пробуждаются осязание, обоняние, вкус.

Зябкий ветер с залива сталкивается с резиновым возду-
хом метро.

Едкий «Беломор» перевит жемчужной нитью черёмухи.
Жареная корюшка, винегрет, бородинский хлеб —
Память наполняет тарелку.

Присоединяются слух и зрение.

Говор толпы пестрит, как лоскутное одеяло.

Бронзовая рука воздета к небесам.

Небо подступает так близко к земле,

Что то и дело захлёстывает лицо,

Затопляет глаза и уши.

Наконец заполняется сердцевина.

Возвращаются голоса и лица

Тех, кто есть (постаревшие, но пронзительно узнаваемые),

И тех, с кем уже никогда не будет встречи.

Остаётся только приладить осколок зеркала,
Чтобы и я...
Но поздно. То, что было мозаикой,
Пришло в движение, заполнило пространство.
Мне оно уже не подвластно.

Да и с самого начала
Во мне здесь не было особой необходимости.

5. Самолёт

Я привыкла доверяться самолёту.
Ускорение пронзает пустоту,
Мятный, сладкий холодок на взлёте,
И полёт не ощущаешь на лету.

Где-то там, над облаком наркозным,
Где не сон, не смерть, а забытьё,
Изредка бросаешь взгляд бесслёзный
Вниз, на тело распостёртое своё.

Что судьба со скальпелем разлуки?
Я внутри, в серебряной игле.
Гул моторов остальные глушит звуки.
Безымянны огоньки во мгле.

6. Окно

Посмотрю на окно:

«Интересно, а снег там выпал?»

На часах моих полночь —

Значит, там рассветает.

Там, где стёрся мой след

И мой голос эхо забыло,

Там, где только печаль моя

Тайком обитает.

Просыпается город далёкий —

И мне не спится.

Просыпается город озябший —

И мне тревожно.

Из любви можно выковать

Горечь и даже ярость.

Но её превратить в забвение

Невозможно.

Ископаемые

*Мне ни к чему искать прапрамогилы...
Зиновий (Женя) Кане*

В слоях истории земли,
На которой мы вымерли,
Остались наши тени,
Отпечатки следов,
Пустоты, которые мы когда-то
Заполняли собой.

Любознательные учёные
При желании смогут восстановить
Абрис нашего бытия:
Траекторию популяции
В пространстве и времени,
Внешность,
Жизнеописание —
Устройство жилья,
Добывание пищи,
Взрачивание потомства.

По костям фактов
Читаются судьбы:

Вероломство и верность,
Вражда и взаимная помощь,
Равнодушие и любовь.

Сложив судьбы,
Можно назвать причину
Нашего исчезновения.

Если вам, живущим, есть в этом прок,
То пусть всё это будет:
Ярко освещённые витрины в музеях,
Яростные академические споры,
Кропотливый труд,
Ошибки, прозрения.

Но названия,
Которые вы напишете на табличках,
Не были нашими настоящими именами.

Голос

Как евнух, которого мучит желанье желать,
Как после обвала река, обращённая вспять,
Как призрак полночный, грозящий за чёрным окном,
Он бродит и бредит, кричит и молчит – об одном:

«Родившемуся в Атлантиде – покой лишь на дне.
Из Трои бежавшему – всё же погибнуть в огне».

«Я стала так сама с собой несхожа...»

* * *

Я стала так сама с собой несхожа,
Что, кажется, и не в родстве с собой.
Я, как змея, свою сменила кожу
И разминулась со своей судьбой.

Забыв про вес цепей, про тяжесть крыльев,
Про преданность незрячую корней,
Я в невесомом радужном бессилье
Купаюсь в пене праздничных огней.

Эмигранты

Химеры и сфинксы – гибриды,
Мифические существа, —
Мы сами себя сочиняем,
В свои же не веря слова.

Нам все языки не родные,
И в каждом скрывается звук
Турбин самолёта на взлёте,
Вагонных колёс перестук.

«Нам самим удалось уехать...»

* * *

Нам самим удалось уехать.
Наши музы попали в отказ.
И поэтому не поэты —
Программисты вышли из нас

Вундеркиндство, как первородство,
Променяв на еду и жильё,
Всё же приступами виршеплётства
Бередем мы это своё.

И так часто и безутешно
Мы свой взгляд обращаем назад
Оттого, что признать нам страшно
Незначительность наших утрат.

Чёрная вода

Как чёрная вода, прилив печали
Покачивает сердце. Что поделать?
Зародыш расставанья заключён
В моменте первой встречи.

Вздохи, слёзы —
Всё это бесполезно, ни к чему.

Иду по мокрому песку.
Вечерний город
Дрожит на сваях отражённых фонарей.

Пустая лодка спит без сновидений,
Скрестив неловко вёсла на скамье.

Сад

К чугунной ограде я знаю тропу потайную.
За пазухой ключ от тяжёлых ворот берегу.
Как пышно в саду этом иней разросся на ветках!
Как свет многоцветно дробится на белом снегу!

Здесь синь лучезарно ясна без теней и печалей.
Здесь не о чем больше гадать, сокрушаться, просить.
Здесь древо забвенья свой плод ледяной предлагает.
И кто запретит его вечную сладость вкусить?

Bilingual / Билингва
Bilingual poems
Стихи на двух языках

Bilingual / Билингва

In this language

In this language,
I converse, argue, and flirt with my husband,
Teach and amuse my daughter,
Stay in touch with friends from college,
Confer with my colleagues,
Report to the boss,
Say hello to the neighbors.

In that language,
I listen to the voices of ghosts.
Their unhurried conversation
Glides along its immutable orbit.

На том языке

На том языке

Я беседую, спорю и кокетничаю с мужем,
Учу и развлекаю дочку,
Переписываюсь с университетскими друзьями,
Совещаюсь с коллегами,
Докладываю начальству,
Здоровуюсь с соседями.

На этом языке

Я прислушиваюсь к призракам.
Их неторопливая беседа скользит
По своей предначертанной орбите.

Daughter. Дочка

Daughter

May the ocean always be kind
To the little ship that we launched.
May the mountains smile at the glow
Of the little lantern we lit.

Дочка

Будь милостив, океан,
К нашей лодочке на волнах.
Гора, благосклонно взгляни
На затепленный нами свет.

Tai Chi Teacher. Учитель Тай Чи

*In memory of Master Cheng Hsiang Yu,
1929—2010*

*Памяти Мастера Ченг Хсианг Ю,
1929—2010*

1. Notebook

Life does not make bargains.
Death does not grant concessions.

It is not possible to halt the current
That carries the boat forward.
It is not possible to fathom
The depths that will swallow it in the end.

My teacher was a wise man.
I covered page after page with hasty scribbles,
Trying to capture in words
The subtle, inexorable motion.
Whenever my notebook got half-filled
I would buy a spare one to keep at the ready.

My teacher was an old man.
Now I gaze at the blank pages.

I could fill them with my own musings.
I could search for another teacher.
I could pretend that this paper
Was meant for a different purpose:
Jotting down to-do-lists,
Collecting recipes for soups and casseroles...

But the pages remain empty.
Life does not make bargains.
Death does not grant concessions.

2. One Year Later

Looking at a snowy hill
That bristles with black stubble
I see the shaven head of the nun
Who recited sutras on the forty-ninth day
After the death of our teacher.

«We are gathered by fate,
And we are scattered by fate.
This is the final parting,»
She told us,

“On this day his soul surrenders
All of its old affections and cares,
All of its memories, all of its wisdom.
Unburdened, nameless and empty-handed,
This soul enters a brand-new life.”

She struck three sharp raps on a block of wood
To mark the moment when our connection
To our teacher’s soul was severed.

The triple blow convulsed my heart: “No! No! No!”

Why?

My mind does not believe that a spirit
Endures beyond the death of the body.
So why do I feel that my loss is deepened
By the passage of forty-nine days, or a year?

Then again, since when does reason
Have power to answer questions
Asked by the heart?

1. Тетрадь

Жизнь не идёт на сделки,
Смерть не делает уступок.

Невозможно приостановить течение
Потока, уносящего лодку.
Невозможно измерить глубину
Бездны, которая её поглотит.

Мой учитель был мудрым человеком.
Я исписывала страницу за страницей
Поспешными каракулями,
Пытаясь схватить, запечатлеть в словах
Неуловимое и непрестанное движение.
Когда тетрадь заполнялась наполовину,
Я покупала следующую, про запас.

Мой учитель был старым человеком.
Теперь я гляжу на белые листы.

Я могла бы заполнить их
Своими собственными размышлениями,
Я могла бы найти себе другого учителя,
Я могла бы убедить себя, что эта бумага

Имеет иное предназначение —
Вести учёт текущим делам,
Собирать рецепты супов и запеканок...
Но страницы останутся пустыми.

Жизнь не идёт на сделки,
Смерть не делает уступок.

2. Год спустя

Я гляжу на заснеженный холм,
Поросший прозрачной чёрной щетиной,
И вижу бритую голову монахини,
Читавшей сутры на сорок девятый день
После смерти нашего учителя.

Она сказала нам тогда:
«Судьба собирает нас,
Судьба нас разлучает.
Это – последнее прощанье.
Сегодня его душа оставит позади
Все старые привязанности и заботы,
Воспоминания, накопленную мудрость.
Свободная, без имени, с пустыми руками,
Она вступит в новую жизнь».

Монахиня ударила три раза
В свою деревянную колотушку,
Подавая нам знак, что настал момент,
Когда наша связь с душой учителя
Оборвалась.

От тройного удара
сердце моё содрогнулось:
«Нет! Нет! Нет!»

Почему?

Ведь я не верю, что дух живёт
После смерти физического тела.
Так почему же сорок девятый день
Или годовщина
Способны усилить ощущение потери?

Впрочем, с каких это пор разуму
Посильно ответить на вопросы сердца?

Icarus. Икар

Icarus

And so we have learned
If not to soar and fly,
At least to flit and hover
On stubs of wings,
On broken wings
That did not set quite right,
On memories of wings.

...Maybe it is for our own good.
We all have seen
The great charred feathers
Under museum glass.
And next to them,
The neatly printed labels
With just one word:
“Icarus”.

Икар

...Итак, мы научились —
Ну если не взмывать и не летать,
То уж хотя бы перепархивать
На наших культяпках —
На обломках крыльев,
Которые неправильно срослись,
На памяти о крыльях.

... Что ж,
Может быть, всё это —
Нам на благо:
Мы видели
Огромные обугленные перья
В музеях, под стеклом.
И рядом —
Одно лишь слово
На табличках аккуратных:
«Икар»...

Оно встаёт, как пугало, над нами.
Оно одно способно уберечь
Небесные священные колосья
От шумных стай оголодавших душ.

Poetry lessons. Уроки поэзии

Poetry lessons

I asked: “Teach me, please.”

The hunter said:

“Your arrows must be sharp,
Fly true and strike deep
To stop the heart before there is time
For fear or suffering.
Let your quarry fall out of the sky,
Crash in mid-leap,
Lie prostrate at your feet,
Staring at you with empty eyes.
Let your prey feed your hunger.”

The healer took my hands into hers:

“You sing, sing, sing
Sing sweetly to lull pain
Before you can touch it,
Probe it, mend it as much
As it will allow itself to be mended.
Sing sweetly, do not stop singing

While pain lies beneath your hands,
So that your patient can look at it
From over your shoulder
With your own calm compassion.”

The programmer’s instructions stated:
“Your program must be easy to read.
Pay attention to logical organization.
Segment your code cleanly into modules.
This way you and your colleagues
Can evolve it rapidly and correctly.
Test your work thoroughly under a variety of conditions.
Your users are individuals: they have different needs.
Your program must collaborate with each user
To solve the right problem.”

The guru patted the worn meditation cushion:
“It is not a matter of talent or luck.
It takes patience, discipline,
To learn to equally accept
The illusion of repeated failure
And the illusion of success.
It is a long road, a never-ending road
Towards getting out of your own way.”

My childhood teacher ruffled my hair and smiled:

“This work needs all your energy, all your attention.
What matters is making learning joyful for your students.
Your own joy will catch you unawares.”

Уроки поэзии

Я попросила: «Пожалуйста, научите меня».

Охотник сказал:

«Твои стрелы должны быть острыми,
Поражать цель точно и глубоко,
Останавливать сердце
Прежде, чем оно успеет почувствовать
Страх и страдание.
Пусть твоя добыча рухнет в полёте, в прыжке,
Распластается у твоих ног,
Уставившись на тебя пустыми глазами.
Пусть она утолит твой голод».

Целительница приняла мои ладони в свои:

«Пой, пой, пой.
Пой ласковые песни, убаюкивай боль,
Чтобы прикоснуться к ней,
Познать её на ощупь,
Исцелить её настолько,
Насколько она тебе это позволит.

Не умолкай, пой ласковые песни,
Пока боль лежит под твоими руками,
Чтобы больной мог взглянуть на неё
Из-за твоего плеча
С твоим спокойным состраданием».

В инструкциях программиста сказано:
«Программа должна быть написана так,
Чтобы её было легко читать
Не только вам, но и вашим коллегам.
Она должна быть логично организована,
Чётко разбита на блоки.

Тогда код можно будет быстро корректировать,
Надстраивать, не внося ошибок.

Тестируйте свою работу тщательно и в разнообразных условиях.

Каждый пользователь – индивидуальная личность,
У каждого свои запросы.

Ваша программа должна взаимодействовать
с пользователем,
Чтобы помочь ему решить его проблему».

Гуру погладил потёртый коврик для медитаций:
«Дело не в таланте или везении.

Всё, что нужно, – это терпение, дисциплина,
Равное принятие иллюзий:

И многих неудач, и успеха.

Это – длинная дорога, бесконечная дорога

К тому, чтобы не преграждать путь самому себе».

Учитель моего детства взъерошил мне волосы и улыбнулся:

«Эта работа поглощает всю энергию, всё внимание.

Главное – учёба должна быть в радость ученикам.

Пока ты полностью занят этим, ты и не замечаешь,

Как радость захватывает тебя самого».

Walk! Don't walk! Идите! Стойте!

Walk! Don't walk!

The striding green men,
The standing red men
In pedestrian crossing signs
Relax when their lights are turned off.

In private, away from their work,
It turns out that not all are men,
Not all are one color or the other.

Some love to ski.
Some have a passion for the tango.
A few are seekers, devoted meditators
Who spend hours sitting in full lotus.

Some are heroic; others simply kind.
There are those, it is sad to say,
Who commit horrible acts.

Occasionally, you meet one who knows
That working in a traffic sign

Is not as predictable and dull
As it may appear at first glance.

There is much to be learned
By peering with unseen eyes
Into the faces of human beings
When they come to a crossroads.

Идите! Стойте!

Шагающие зелёные человечки,
Смирно стоящие красные человечки
В светофорах для пешеходов
Расслабляются,
Как только выключается их подсветка.

В своей личной жизни, вдали от работы,
Вовсе не каждый из них целиком окрашен
Либо в один цвет, либо в другой.

Среди них есть мужчины и женщины,
Молодые и старики.

Иные из них – заядлые лыжники,
Иные – страстные поклонники танго.
Кто-то духовно самосовершенствуется —

Часами медитирует в позе лотоса.

Встречаются герои.

Есть просто добряки.

Попадаются, как это ни печально признать,

Отпетые негодяи.

Порой встретишь одного из тех, кто знает,

Что и служба в светофоре

Вовсе не так однообразна и скучна,

Как может показаться на первый взгляд:

Всё дело в том, как на это помотришь.

Многое можно постичь,

Вглядываясь невидимыми глазами

В лица людей, оказавшихся на перепутье.

Subterranean lake. Подземное озеро

Subterranean lake

You speak in one language and cry in another.

The parched roots of your words
Never tap into the darkest waters
That are trapped in the hidden layers.

You speak in one language and cry in another.

That vast subterranean lake
Remains unnamed and uncharted.

Подземное озеро

Ты говоришь на одном языке, а плачешь на другом.

Как бы ни мучила их жажда, корни твоих слов
Никогда не приникнут к самым тёмным водам,
Запертым в сокрытых слоях.

Ты говоришь на одном языке, а плачешь на другом.

Каким бы ни было огромным подземное озеро,
Оно остаётся неизведанным и безымянным.

Lilacs. Сирень

Lilacs

Every spring there comes a day
When the lilac bush in the back yard
Bursts into bloom.

All at once
Innumerable flowers open their petals.
They flood the midday heat,
The delicate coolness of twilight
With wave upon wave of sweetness and longing.

Three days, four...
Then it all subsides,
Blends back in —
Green into green.

When I was young,
I used to think
The blooming of lilacs is fleeting.

Сирень

Каждую весну приходит день,
Когда куст сирени в углу двора
Расцветает.

Бесчисленные лепестки
Открываются все сразу,
Затопляя тёплый полдень
И хрупкую прохладу сумерек
Волнами сладости и томленья.

Три-четыре дня – и всё утихает,
Смешивается с фоном —
Зелёное среди зелёного.

Когда я была молодой,
Цветение сирени
Казалось мне мимолётным.

Form and function.

Форма и содержание

With all due respect to free verse

Vilanelle's meter and rhyme,
The 5-7-5 of haiku,
Sonnet's surprising volta,
Limerick's knowing laughter
Chant what cannot be said,
Steady the beat of the heart,
Rock the cradle of "never"
As "never" grows into "after".

При всём уважении к верлибру

Из самых глубоких ран в рифму слова текут,
Пульсирует чёрный ток анапестом, ямбом, хореем...
Не верлибр, а сонет – услада горчайших минут.
Мы тем складнее бредим, чем тяжелее болеем.

Translations into English

Переводы на английский язык

A blackbird – a magpie

Nursery rhyme²

A blackbird – a magpie —
Cooked porridge in a cauldron,
Sat down with her children.

Filled this one's bowl,
Filled this one's bowl,
Filled this one's bowl,
Filled this one's bowl.

But that one got a scolding:
“You didn't fetch the water,
You didn't bring the coal —
You don't get any porridge

² Retelling of a nursery rhyme that accompanies a finger game for toddlers. This is a folk game, so there are many different versions of the words. All of them start with a non-existent bird “crow-magpie” as the protagonist. I substituted another loud-voiced bird for the crow to preserve the rhythm of the first line.

To fill your bowl!”

Ivan Krylov

The Sow and the Oak Tree

Beneath an oak a sow pigged out on acorns,
Then napped under the shady canopy.
At last, refreshed, she set her snout to digging,
Baring the roots that fed the ancient tree.

“Stop! Stop!” called out a raven from the branches.
“The oak tree’s roots get damaged when you dig.”
“What do I care if this useless stump does wither?
Acorns are all I’m after,” said the pig.

The oak tree’s voice then joined the conversation.
“Ingrate!” said to the swine the mighty tree,
“If you could lift your snout up from your grubbing,
You’d see that all the acorns come from me.”

An ignoramus mocking education,
Scoffing at science, is blind just like that sow,
Failing to see that on the tree of knowledge
Ripened the comforts he’s enjoying now.

Boris Zakhoder

Termite's diet

Said a termite to a termite:
“Yes, I really was determined
To be disciplined and try it —
This new alphabetic diet.

I ate airplanes, chewed up boats,
Candy canes and cashmere coats,

Munched on desks and dinner tables,
Easels, feather dusters, gables,

Gnawed a harness (right off the horse),
Fed on houses (of course!).

I ate inkwells, jellybeans,
Kettle drums and limousines.

Then I snacked on magazines,
Napkins, oil cans,
Pencils, quilts,
Rubber boots, a pair of stilts,
Tablecloths and tambourines,

Undershirts, vanilla beans,
Waffles, xylophones, a yurt,
And a zipper for dessert.

Yet I didn't feel satisfied."

"Yes," the other termite sighed,
"All these diets are too tricky.
I just eat and don't get picky."

Anastasya Shepherd

Faith in ourselves

Grant us faith in ourselves, Creator.
May we find the courage and skill
To become ourselves in full measure.
For if we do not, who will?

Vyacheslav Leikin

To Yu. Brusovani

«Let the dead ones attend to burying their dead», —
A buddy told me, and I just smiled in reply.
And, with that smile, I said to myself: «Why not?
Let them bury themselves, it is worth a try».

A noose, a cudgel, the firefly flash of a blade —
And the eternal peace, the corrupting peace...
But how well, my friend, you pretend that you are alive,
With a longing that is so endless, so full of grace.

Vyacheslav Leikin

'Freedom from all desires...'

This is happiness! These are rights...
Alexander Pushkin

* * *

Freedom from all desires, from passions and regrets;
From saccharine Christmas pills, from serving and from
service,

From trysts and from farewells recurring like a dream,
From sympathy to god, from joys amidst the rushing.

From soil and seed and root, from rudder and from oars,
From the lackluster craft that never earned a penny,
From ignorance and spite, from counting and accounts,
Freedom from everything that goads and ties us down.

She's haughty as a saint and jealous as a wife,
Honest as communists killed in the year of purges.
Can we find out at last, what do we need her for,
And what the hell she wants when she herself is freedom?

Why when she speaks, her words are always curt and harsh,
Why with her sightless eyes she gazes so intently,
Why she ties into knots our sinews and our veins,
Forcing us to submit our fortunes to her guidance...

You shook the iron cage, you rammed the fortress walls,
Your vigilant mistrust could not be fooled by cunning,
And yet you did not see how you became a slave,
A sick and dreary slave driven by your own freedom.

Shuffling the ragged deck of doubtful old taboos,
You're straining to create beauty from warped reflections,
And thus, your own life echoes your country's fate
Rattling its heavy chains, dragging the shackles of freedom.

Vyacheslav Leikin
'No, I will not depart,
nor cut the branch...'

* * *

No, I will not depart, nor cut the branch,
Nor hope that Rome and Paris are still waiting.
I fear that there I'll feel a bitter love
For all of this that here I relish hating.

I fear I will not manage to forget
The acrid taste of Fatherland's smoky air.
I fear, because to feel a love for this
Is not impossible, but more than I can bear.

Vyacheslav Leikin
'Lately far too many
live all out of kilter...'

* * *

Lately far too many live all out of kilter,
Spitting, picking, grabbing where it's not allowed.
In the man-made thickets, the communal Edens,
There are far too many destitute and screaming.

Magic does not charm them, thrillers bore them silly
Jigsaw puzzle pieces do not fit together.
Driven by the devil, they crave revelation:
Serve up all the truth now, from the past and present.

Let the chasms yawn open, bring to life the pictures
Where the knaves pass judgement and the fools enlighten,
Where the whores and robbers, murderers and stoolies
Roam in packs and solo, slaving and baying.

That's the truth stripped naked, filthy, vicious-tempered,
Brewed of dust and ashes, rabid snarls and screeches,

Petty alms for beggars, pitiful repentance,
More debased than vileness, viler than debasement,

With its loathsome tributes, monstrous celebrations,
With each window serving as the new Golgotha.
That's the truth whose venom seeped into the Lethe.
And, forgive me, never was there any other.

Vyacheslav Leikin
'Not this one, not the
truth-wit who, inspired...'

Let us honor the madman
Jean-Pierre Beranger

* * *

Not this one, not the truth-wit who, inspired,
Pontificates and makes his careless way
Up to the gallows, who is always trying
To put it to you straight and to your face.
Not this self-swallowing snake, this wingless dodo —
But that one, he who lied and covered up,
Who peered into the chasm and understood
That there, within those depths, is not the past,
But our tomorrow, whose assault is yet to come,
Whose stench is yet to rise up to our nostrils.

Anna Akhmatova

'True tenderness can't be mistaken...'

* * *

True tenderness can't be mistaken
For anything. Quietly it stirs.
In vain you envelop caressingly
My shoulders and breast in furs.
In vain you speak to me softly,
Your humble first love confess.
How well do I know your glances
That insatiably rove and press.

Anna Akhmatova

'Madness has now spread his wing...'

* * *

(from Requiem)

Madness has now spread his wing
And half my soul is in its shadow.
He pours me fiery wine to drink,
He beckons me to his dark meadow.

I understand I must surrender,
That victory belongs to him;
As my own raving fills my hearing —
A stranger's voice, confused and dim.

I know that pleading would be wasted,
It's useless to implore and weep.
All that I cling to will be taken,
There's nothing that is mine to keep.

Not the remembrance of my son,

His gaze engulfed in horror, frozen;
Nor the arrival of the storm,
Nor the brief meeting in the prison,

Nor the dear hands, cool to the touch,
Nor the lime trees astir with birds,
Nor the ethereal, far away
Sound of the last consoling words.

Anna Akhmatova

Crucifixion

*Weep not for me, Mother,
Seeing me in the coffin.*

(from Requiem)

The choir of angels praised the hour of glory,
The firmament became a molten sea.
He asked His Father: «Why did you forsake me?»,
Then, to His Mother: «Oh, weep not for me.»

Magdalene collapsed, convulsed with weeping;
The beloved disciple stood frozen, dazed.
Yet to where the Mother stood in silence
Not a one would dare to lift his gaze.

Anna Akhmatova

The owner

To E. S. Bulgakova

In the chamber where I'm dwelling
Lived a sorceress before:
When the moon is new her shadow
Yet appears beside the door.

By the threshold stands her shadow,
In its customary place,
As elusively and sternly
It is gazing at my face.

I myself am not of those
Whom another's charms can sway.
I myself... But no, my secrets
I don't freely give away.

Hava Broha Korzakova
'A winter thaw is almost
bare of beauty...'

* * *

A winter thaw is almost bare of beauty —
A soupy mix of sand and salt and sod.
A world made up of icicles and bleakness
Does not reveal the master plan of God.
In order to discern it, gaze intently,
But not at faces, nor the many books
Held close to faces. Not a page within them
Says anything, no matter how you look.
Perhaps the branch that spreads its patterns over
The human mass that hurries through the rain,
May sketch a pictogram in otherworldly language,
Make the preliminary outline plain.

Hava Broha Korzakova

'Between two languages...'

There is one thing I'd like to tell the poets:

Learn to be silent till the poems come.

Maria Petrovykh

* * *

Between two languages my words have lost their way.
My mouth is numb to either tongue today.
Hour after hour drop down and are absorbed
By CNN, report after report.

I wanted poetry to glue and hold together
This shredded day. But it unravels further.
I'm sinking. Yet a hundred years from now
What will it matter? Who will even know?

Silence is wisdom's path to glory (so they say).
The bitch of poetry is not in heat today,
For all the males are dead or far away.

So let the Internet and wine help keep me warm.

My hopes lie in my tongues. Though now struck dumb,
I know it's «silence, till the poems will come».

Ed Pobuzhansky

Conversation

I started having conversations with my cat
And with my radio. So, Siri, tell me, friend,
What will it lead to? Cobwebbed, frail
Will I be talking to my shadow in the end?

I started having conversations with myself.
I wish it were a witty repartee, a joke.
Instead, it's trial by combat with the truth,
A truth that does not hesitate to stab, to choke.

I started having conversations with my dad.
For years, we used to fight, to rage and rave.
But here I am: gray hair, his face – now my face,
Bawling, as I uproot the nettles on his grave.

Ed Pobuzhansky

Neighbor

In the morning, cold white light
Blankets all like heavy snow.
There's my neighbor walking by;
His tracks fill with drifting glow.

“Neighbor!” I call loud and clear.
But my neighbor does not hear.
He is walking, white-haired, tired
Further, further,
Higher, higher...

Ed Pobuzhansky

Buttons

“You, Russians, always complicate everything,”

Sighed the Czech poet and translator,
Shutting my book;

“Who needs rhymed poetry nowadays?
Maybe just the kids!

Today, rhymes are as incongruous
As a row of buttons on a naked body!”

I kept silent.

I was reluctant to admit
that in my childhood,
whenever I came to spend the summer
at my granny’s,

I loved to sift through
the multicolored buttons
in a tin box.

Made of mother of pearl, glass, steel,
In all shapes and colors —
to me, they seemed like a genuine
treasure!

I even wanted to filch one —
A yellow button with a star, —
In order to trade it for a slingshot...

And, when I and my friend, Sashka,
ran away to the lake,
we would come home
only at the end of the day,
when the June sun
was sinking below the horizon,
like a large red button.

Ed Pobuzhansky

Parting

Sometimes it happens like this:

You are still together.

In the morning,

You drink the stone-cold coffee,

You finish off the omelet with bacon

(That is, by the way, over-salted as usual).

But already,

Somewhere in the bedroom,

On the upper shelf of the closet,

The blue suitcase

Has impatiently clicked its lock.

Ed Pobuzhansky

Puppy

Sometimes at night I cry and whimper.
But don't you dare to howl along.
Stay down, puppy, and remember
I am the boss here, wise and strong.
Yet you jump up. You lick the tears
Right off my cheeks. You break my rule.
"Don't cry, boss of my heart. I'm here
To care for you, my restless dear,
My doggie god
My fool..."

Ed Pobuzhansky

Telephone call

Each recently deceased person
Is granted the right
To a single short phone call —
Just long enough to say
That all is well.

Usually, the call goes to the kids,
less frequently to the parents;
husbands and wives get called quite a bit
(sometimes even the exes!);
almost no one calls
the hospital,
the workplace,
the church,
the bank.

No one ever tried to get through
to a televised call-in with the President,
the seance with that spirit medium
famous for his TV show.

It is said that these numbers
aren't even in the telephone directory.
There are only these:
mama, papa,

son, daughter,
beloved.

Ed Pobuzhansky

Silence

I shed one language after another:
Russian, Romanian,
English, and another one, and another one...
Here I am, stripped bare
Of my wordy wardrobe.
Struck dumb.
All I can wrap around myself now is
weeping.
In silence.

Переводы на русский язык

Translations into Russian

Малышка-паучишка

Из народной поэзии³

Малышка-паучишка
Решила влезть на крышу,
Ползёт по водостоку
Всё выше, выше, выше.

И вот она почти что
Взобралась на карниз.
Но вдруг весенний ливень
Смыл паучишку вниз!

Гляди, сметает солнце
Лучами облака.
И к цели паучишка
Придёт наверняка!

³ Переложение на русский язык английской народной песенки для маленьких детей *Itsy Bitsy Spider*. Песня сопровождается пальчиковой гимнастикой.

Роза Вайсберг⁴

Просто отыщи

Если сидишь
молча,
есть что услышать.

Если лежишь
с закрытыми глазами,
есть что увидеть.

Даже если это молчание,
даже если это темнота,
есть на что обратить внимание.

Просто отыщи это.

⁴ Автору 11 лет. Это её стихотворение было опубликовано в журнале Chronogram 12/2019.

Спэрроу

Поэтическая страховка⁵

Я начал оплачивать поэтическую страховку.
Теперь, если в «Нью-Йоркском книжном обозрении»
Рецензент разгромит мои сонеты (и я
Смогу доказать ущерб), мне
Полагается выплата. Или, положим,
Я напишу в поэме: «Стивен Фильдштейн
Украл у меня колоду гадальных карт,
Когда мне было двенадцать лет», и он
Затеет судебное дело – мои расходы вернутся.
Или поэта помельче потянет на плагиат
Одного из моих стихов – а я защищён.
В наши дни поэтическая страховка
Есть почти у всех профессиональных поэтов.
Университеты выдают полисы
Преподавателям.
Дилетантом выглядит «поэт без страховки».
(Это обидная кличка.)

⁵ Перевод сделан в соавторстве с Марией Рузиной.

Сара Тисдейл

Твой ум и мой⁶

Твой ум и мой, себя освободив
От страхов плотской глины, воспарив —
Любовники, вдвоём, обнажены, —
В пространстве мыслей реют, беспечальны,
Восторгом необузданным пьяны.
Мы с одинокой завистью глядим
Вверх. Там для них не меркнет свет хрустальный,
Ненастных нет ночей, нет мгlistых зим.

⁶ Перевод сделан в соавторстве с Сашей Казаковым.

Тамара Збрижер

Когда Холокост сжигает твою историю, ты создаёшь миф

К картине Марка Шагала «Красный еврей»

Рука зелёного цвета,
Позеленевшая не от жадности,
А мерцающая изумрудной плесенью
В суставах пальцев, когда-то державших
Ружьё, лопату, семена, книгу,
Тогда как другая рука
Обнимала его Риву, их дочерей,
Их внучат. Рука, зеленевшая,
Как яблочная завязь,
До тех пор, пока инструмент не выпал из его пальцев,
Его колени не подкосились на пороге
Его избушки на курьих ножках,
Построенной на костях тех,
Кого он любил: мамы, папы,
Всех его красавиц-сестёр.
Зеленевшая, как лето,
Занесённое метелью белого пепла,
Оставшегося после пламени,

Которое обглодало их до голых костей.

Он вернулся с фронта израненный,

Но всё же уцелевший. Он выбежал

На сожжённое поле, где когда-то стоял дом,

Где когда-то жили мама, папа,

Все его прелестные сестрички,

Где теперь была могила

Без надгробья, без памятника.

Он сидел там, где когда-то стояло крыльцо.

Он сидел день и ночь, пока солнце

Не встало в зените, не вытопило из него

Целительный пот, хлынувший на землю,

Как поток слёз, оросивший почву,

Пропитавший пепел тёмным цветом плодородия.

Он встал, срубил под корень красные дубы, заложил фундамент,

Которому и Соломон бы позавидовал.

Он посеял семена, которые проросли,

Разрослись фруктовым садом, где зелёные яблоки

Наливаются таким сладким соком,

Что приходит на ум: даже пепел

Может питать корни.

Все его малыши любили запах

Дубовых брёвен и земли, и никто не умирал

В этом доме. Когда жизнь его возлюбленной Ривы

Стала иссякать, он вынес её в сад, поставил её

Между двух яблонь, и она слилась
С их корой, с их хризопразовыми плодами.

Когда все дети и их дети ушли —
Кто в одно будущее, кто в другое,
Когда вся работа во дворе
Была закончена раз и навсегда, заходящее солнце
Одело в багрянец дом, где он сидел на пороге,
Построенный его осиротевшими руками
На костях тех, кого он любил,
Для плоти от плоти его любви.
И его кости вросли в этот дом,
И дом врос в зелень.

Джейн Хёршфильд

Посланник

В той комнате однажды промелькнула тощая крыса.
Через два дня – змея.

Увидев меня у входа,
Она метнулась полоской длинного тела
Под кровать и свернулась клубочком,
Как ручной домашний зверёк.

Я не знаю, как и та и другая
Смогли проникнуть, потом исчезнуть.
Позже фонарик не высветил ничего.

Целый год я наблюдала,
как нечто – ужас? счастье? горе? —
наполнило, а потом покинуло моё тело.

Не поняв, как оно проникло,
Не поняв, как оно исчезло.

Оно зависало там, куда словам не добраться.
Оно засыпало там, куда не пробиться свету.
Его запах не был похож ни на змею, ни на крысу,

Ни на чувственность, ни на смиренность.

В нашей жизни открыты пространства,
О которых нам ничего не известно.

Через них,

Звоня бубенцами, свободно проходят стада,

Жажда свела им бока, на мохнатых ногах – иноземная

пыль.

Джейн Хёршфильд

Равновесие

Равновесие тем заметней, чем ближе его потеря.
К примеру, в шатком переступании слона
На тумбе посередине манежа
Или в том мгновении,
Когда приставная лестница начинает крениться,
Но всё же находит опору.
А ещё случаются загадочные отклонения.
Посуда вымыта и расставлена.
Проходит час, другой,
Железная миска гремит об пол.
Вес испаряющейся воды —
Вот и всё, что могло измениться.
Картину, годами висевшую прямо,
Однажды утром – отчего? – приходится подровнять.
Тебе знакомо ощущение, когда равновесие покидает
Твоё прихотливое сердце:
Закравшееся беспокойство, чуть заметный уклон.
Уже в тот миг неизбежна
Вся сила взрыва,
Та жизнь, про которую всегда будешь говорить:
«Впоследствии».

Джейн Хёршфильд

Красный лук, черешня, варёная картошка, молоко

Вот душа, которая не принимает ничего.
Упрямая, как маленький ребёнок,
Отпихивающий манную кашу, персики, гренки.

Следы слёз высохли на щеках.
Рот не размыкается в обоих направлениях.

Спрашивай, если хочешь,
Простой ли это каприз или попытка дождаться лучшего.
Суп остывает...
Мороженое тает в стаканчике.

«Не это – вот и всё, в чём она уверена. – Не это».
Так полевые цветы отказываются пить в кувшине.

А сердце лишь беспомощно наблюдает издалека.

Стихотворение с двумя окончаниями

Скажешь «смерть», и вся комната цепенеет —
Даже диваны перестают двигаться,
Даже настольные лампы.
Как белка, которая вдруг ощутила чей-то взгляд.

Произноси это слово без передышки,
И всё начинает двигаться вперёд.
Твоя жизнь приобретает
Прерывистость старинной киноленты.

Продолжай произносить его,
Держи его во рту, миг за мигом,
И оно станет просто слогом.
Супермаркет завертится вокруг трупа жука.

Смерть прожорлива, она заглатывает всех живущих.
Жизнь прожорлива, она заглатывает всех мертвецов.
Ни та ни другая никогда не удовлетворятся, не заполнят-
ся,
Каждая всё заглатывает и заглатывает весь мир.

Хватка жизни так же сильна, как хватка смерти.

(Но канувший, канувший возлюбленный, о, где же?)